

СУДНО ПАМЯТИ

МАРА СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Судно памяти

«Автор»

2026

Светланова М.

Судно памяти / М. Светланова — «Автор», 2026

Лоцманка Ива Ларн ведёт судно-архив по рекам чужих снов. Когда противоречивые воспоминания начинают топить корабль, капитан-цензор Рей Варн получает приказ выбросить «лишние» версии правды. Ива отказывается позволить Совету решать, что людям можно помнить, — даже если цена сопротивления окажется её собственной дорогой домой. Чтобы спасти пассажиров, Иве и Рею придётся разделить власть над памятью, пройти через распадающиеся сны и научиться доверять друг другу без права владеть прошлым другого. Но выдержит ли их чувство правду, которую нельзя исправить прощением?

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Река, которой никто не снил	6
Глава 2. Груз без веса	13
Глава 3. Капитан с красной печатью	19
Глава 4. Берег спящего ребёнка	25
Глава 5. Сестра держит маяк	32
Глава 6. Первая лишняя правда	40
Глава 7. Право закрыть иллюминатор	47
Глава 8. Карта наизнанку	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мара Светланова

Судно памяти

От автора

Память часто сравнивают с грузом: её несут, теряют, прячут, передают другим. Но груз можно взвесить, а человеческое воспоминание меняет вес в зависимости от того, кто и зачем требует считать его правдой.

«Судно памяти» — история о профессиональном умении проводить других через опасное течение и о границе этого умения. Лоцман может знать реку лучше пассажира, капитан — отвечать за корабль, архив — сохранять свидетельства. Ни одно из этих знаний само по себе не даёт права решать, какую часть чужого прошлого следует выбросить.

В этом романе любовь не становится наградой за спасение и не отменяет ответственности. Она растёт там, где двое взрослых людей учатся различать помощь, власть, доверие и свободный выбор. А дорога домой оказывается маршрутом, который приходится прокладывать заново.

Глава 1. Река, которой никто не снил

В ту ночь река опоздала.

Ива Ларн заметила это раньше, чем погас третий фонарь на причале. Обычно сон приходил к воде постепенно: сначала медь перил покрывалась испариной, потом в чёрном зеркале появлялись чужие окна, лестницы, лица без имён. Последним менялся звук. Плеск становился похож на дыхание спящего человека, и Гавань Яви выпускала судно.

Теперь окна возникли сразу. Сотни освещённых прямоугольников легли на воду, словно кто-то опрокинул город фасадами вниз. Дыхания не было.

— Не нравится мне её вежливость, — сказала Нэя.

Она стояла у дальнего края причала, придерживая обеими руками складную рейку маяка. На её плаще светились семь тонких полос — семь ночных бассейнов, разведённых за смену. Волосы выбились из узла и блестели от тумана.

— Чья вежливость? — спросила Ива, не отрывая взгляда от воды.

— Реки. Так ровно лежат только те, которые собираются сделать вид, будто ни в чём не виноваты.

Ива присела и коснулась поверхности костяшками пальцев. Холод был настоящим, причальным. Чужой сон ещё не пробился сквозь него. Между отражёнными окнами тянулась узкая тёмная полоса, прямая, как прорезь в закрытой двери.

— Отведи маяк на два деления к востоку.

— У нас восток сегодня в четырёх местах.

— К тому, где пахнет яблочной кожурой.

Нэя втянула воздух, нашла нужное направление и передвинула пятку рейки. Над причалом вспыхнул коралловый огонь. От него по воде побежала привычная рябь — знак, что путь до берега бодрствования открыт.

Тёмная полоса не дрогнула.

В башенке дежурных ударил колокол. Один раз, коротко. Через три вдоха — ещё два. Аварийная проводка.

Ива выпрямилась. На внутренней стороне её запястья уже проступала тонкая линия маршрута: причал, коралловый маяк Нэи, безопасная излучина, обратный шлюз. Личная карта всегда начинала с дома. Сегодня первой появилась кухня матери — круглый стол с ожогом от чайника, — затем лестница к мастерской Нэи и только потом гавань. Три якоря узнавания. Достаточно, чтобы вернуться даже из глубокого сна.

Из тумана вышел посыльный в серой накидке. Он бежал, но у самой воды заставил себя перейти на шаг: в Гавани не бегали по краю сна.

— Лоцман Ларн? Судно-архив просит немедленную проводку. Отказ основного фарватера. Грузовой класс — закрытый.

— Название судна?

Посыльный протянул металлическую пластинку. Красные буквы на ней проступили не сразу.

«Тихая мера».

Нэя тихо выругалась.

Ива перевернула пластинку. На обороте стояли осадка, число палуб и пункт назначения. Строка имени капитана была запечатана красным воском. Так делали цензоры, когда не желали оставлять подпись в чужом сне.

— Они должны были войти северным рукавом, — сказала Нэя. — Я ставила им маяк до рассвета.

— Северный рукав исчез, — ответил посыльный. — Вместе с двумя буями. Судно держится на аварийном якорю у границы бассейна.

— В чьём сне?

— Не установлено.

Ива снова посмотрела на прямую тёмную полосу. Реки снов могли менять русло, дробиться, вести кругами и даже выносить корабль в детство человека, который давно проснулся. Но каждая принадлежала кому-то. У каждой находился спящий, чьё дыхание задавало прилив.

— Лоцман? — напомнил посыльный.

Она должна была спросить разрешение гавани, сверить закрытый груз, потребовать подпись капитана. Вместо этого вернула пластинку.

— Передайте: принимаю проводку до ближайшего устойчивого русла. Не до Яви. Дальше — после промера.

— Им нужна гавань до рассвета.

— Всем нужна. Река от этого короче не станет.

Посыльный ушёл в туман.

Нэя сложила рейку, но не убрала её в чехол.

— Ты видишь то же, что и я?

— Реку без дыхания.

— Я хотела сказать: красную печать.

— Её трудно не увидеть.

— И легко сделать вид, что она всего лишь цвет.

Ива затянула ремни лоцманской сумки. Нэя не любила цензоров не из убеждения, а по опыту. Три года назад архивная служба признала один из её маяков построенным на «непереносимом свидетельстве» и вырезала из карты целый берег. Берег никуда не исчез. Просто суда перестали получать предупреждение о мели.

— Я веду корабль, не службу, — сказала Ива.

— Служба будет на корабле.

— Поэтому ты останешься у маяка.

Нэя вскинула подбородок.

— Это просьба старшей сестры или распоряжение лоцмана?

— Просьба. Мне нужен человек, который заметит, если обратная дорога начнёт врать.

— Тогда говори именно так.

— Мне нужен человек, который заметит, если обратная дорога начнёт врать.

Нэя смягчилась не сразу. Она сняла с шеи медное кольцо маячника и вложила его в ладонь Ивы.

— Один оборот — я вижу твой след. Два — зажигаю запасной берег. Три — рву связь, даже если ты прикажешь держать.

— Если три понадобятся, моего приказа уже не слушай.

— Я и сейчас не всегда слушаю.

Ива улыбнулась и шагнула на воду.

Причал отпустил её неохотно. Под подошвами возникли узкие дощечки лоцманского мостка — не вещь, а соглашение между гаванью и тем, кто умел читать течение. Каждый шаг достраивал мост впереди и разбирали его сзади. Через двадцать шагов огни Яви потускнели. Через тридцать в тумане обозначился высокий чёрный борт.

«Тихая мера» сидела слишком низко.

На пластинке была указана осадка в девять сонных локтей. Здесь вода доходила почти до грузовых портов — не меньше двенадцати. Три мачты стояли без парусов. Вдоль палубы горели синие архивные лампы, и в каждой плавало крошечное чужое лицо.

На спущенном трапе ждал мужчина в капитанском кителе без знаков отличия. Высокий, темноволосый, с заметной сединой у висков. Красная печать висела у него на груди в прозрачном футляре. Даже сквозь стекло Ива чувствовала её сухое тепло.

— Лоцман Ларн, — сказал он. Не спросил — назвал.

— Капитан с ненаписанным именем.

Мужчина коснулся восковой полосы на воротнике. Печать треснула, открывая вышитую строку.

— Рей Варн. Капитан и уполномоченный цензор. Благодарю, что приняли вызов.

— Я приняла проводку до устойчивого русла.

— Посыльный передал ваше условие. Я его не принимал.

— Тогда можете остаться здесь.

Некоторое время они смотрели друг на друга через расстояние в три ступени. У Рея Варна было лицо человека, который привык не повышать голос, потому что за него это делали документы. Но руку с поручня он убрал, освобождая проход.

— Добро пожаловать на борт, лоцман.

— Пока не добро, капитан.

На палубе её встретил запах мокрого стекла. Под ним пряталось что-то сладкое, почти домашнее: печёная груша, мыло, нагретая солнцем шерсть. Так пахли свежие воспоминания до запечатывания. Сотни сосудов в трюме дышали через пробки, и каждый выталкивал в воздух малую часть места, откуда был взят.

К Иве подошла широкоплечая женщина с коротко стриженными седыми волосами. На кожаном переднике виднелся знак старшего механика.

— Тара Соль. Машина слушается, корпус пока тоже. Не слушается вода.

— Осадка?

— Была девять при выходе, одиннадцать и семь десятых перед аварийным якорем. Сейчас двенадцать и две. Груз не принимали, течь не нашли.

— Перемещение сосудов?

Тара бросила быстрый взгляд на капитана.

— Было.

— По моему распоряжению, — сказал Рей. — Мы готовили облегчение судна.

— Облегчение — это красивое слово для выброса? — спросила Ива.

— Это точное слово для предотвращения гибели судна вместе со всем архивом.

— Что именно вы переместили?

— Закрытый груз.

Ива достала из сумки белый мел и провела у своих ног поперечную черту.

— До этой линии я гостя. За ней — лоцман, отвечающий за выбранное русло. Если сведения о судне закрыты, я не переступаю.

— Вам не нужно знать содержание памяти.

— Содержание — нет. Распределение груза, разрешения и последнюю операцию — да.

— Разрешения не меняют массу стекла.

Тара кашлянула в кулак. Ива посмотрела на неё.

— Вы не согласны, механик?

— Я чиню то, что можно измерить. После перемещения цистерны поднялись на два пальца, а судно село глубже на локоть. Это измерено. Объяснять не берусь.

Рей провёл большим пальцем по краю футляра с печатью. Ива ожидала приказа, угрозы или хотя бы напоминания о полномочиях. Вместо этого он вынул связку ключей.

— Покажите лоцману нижнюю счётную палубу, Тара. Содержание сосудов остаётся закрытым.

— И журнал операций, — сказала Ива.

— На счётной палубе.

Она переступила меловую линию.

Внутри «Тихая мера» казалась больше, чем снаружи. Архивные коридоры расходились от киля, как ветви затопленного дерева. За решётками стояли сосуды: круглые и вытянутые, прозрачные и молочно-белые, размером от напёрстка до человеческого роста. На каждом были три гнезда для бирок. Почти везде бирка была одна.

Ива остановилась у высокого сосуда с мутным золотистым светом.

— Почему гнезда пустые?

Тара подняла лампу.

— Новая система учёта. Одна общая бирка вместо трёх старых. Капитан распорядился перед заходом в нестабильный бассейн.

На общей бирке значилось: «Принято архивом. Допущено к служебному использованию». Ни имени владельца, ни срока, ни различия между хранением и прослушиванием.

— Кто дал разрешение слушать? — спросила Ива.

— Архив принял сосуд, — ответил за её спиной Рей.

Он спустился следом без сопровождения. На узкой лестнице ему приходилось пригибать голову.

— Я вижу, что принял. Спрашиваю, кто позволил открыть.

— В чрезвычайной ситуации служба может исследовать груз, чтобы определить степень опасности.

— То есть служба разрешила сама себе.

— Закон разрешил службе.

— Закон спит на берегу?

— Нет.

— Тогда он не создаёт эту реку.

Рей подошёл ближе к сосуду. Золотой свет скользнул по его лицу, на миг сделав его моложе и усталее.

— Вы считаете, что вода различает статьи устава?

— Вода различает противоречия. Иногда лучше людей.

Судно вздрогнуло. В сосуде что-то тихо ударилось о стекло изнутри. Не человек, не предмет — движение, похожее на попытку воспоминания повернуться другим боком.

Тара схватилась за переговорную трубу.

— Верхняя палуба, доклад.

Из трубы донёсся голос вахтенного:

— Якорный канат уходит против течения. Компас показывает пять берегов. Один приближается.

Ива уже поднималась по лестнице.

На палубе туман разошёлся. Там, где прежде лежала тёмная полоса, текла река — широкая, матовая, совершенно неподвижная. По обоим берегам стоял один и тот же дом. Белая стена, зелёная дверь, три ступени. Дом повторялся сотни раз, уменьшаясь к горизонту.

— Чей образ? — спросил Рей.

— Не знаю.

— Но вы можете провести по нему судно?

— Если это река.

Ива подошла к борту. Вода не отражала ни судно, ни людей. Она присела и опустила на шнуре пробный груз — серебряную рыбку без глаз. Рыбка коснулась поверхности и исчезла. Шнур остался натянутым, будто груз лежал на дне.

Ива потянула. На конце висел ключ.

Простой железный ключ, тёплый от чьей-то ладони.

— Это ваше? — спросила Тара.

— Никогда не видела.

— Тогда река отвечает грузом, — сказал Рей. — Один из сосудов строит русло.

— Один человек мог видеть такой дом, — сказала Ива. — Мог потерять ключ. Но течение всегда выдаёт спящего: ритм дыхания, перемену света, хотя бы желание проснуться. Здесь ничего нет.

Рей взялся за футляр печати.

— Если источник на борту, я имею право его изолировать.

— Не открывайте сосуды.

— Я не спрашивал совета.

— А я не давала совет. Я называю условие проводки.

Он повернулся к ней. На близком расстоянии Ива увидела тонкий шрам под его левым ухом, как след от оборванной нити. Взгляд у него был серый и внимательный, без той ледяной пустоты, которую она ожидала увидеть у цензора. Это раздражало сильнее. Простого врага было бы легче не слушать.

— Судно теряет плавучесть, — сказал он. — До рассвета меньше четырёх часов. Вы предлагаете ждать, пока неизвестная река выберет за нас?

— Я предлагаю сначала выяснить, куда она течёт.

— Она не течёт.

— Всё течёт. Даже страх. Просто не всегда туда, куда смотрят.

Ива сняла перчатку и прижала ладонь к борту. Дерево дрожало не вперёд-назад, как под волной, а сверху вниз. Судно словно вспоминало падение.

Она закрыла глаза.

Лоцманов учили не искать в чужом сне смысл. Смысл принадлежал спящему и менялся после пробуждения. Лоцман искал повтор: три одинаковых звука, две возвращающиеся тени, ошибку, которую сон не мог исправить. Повтор становился берегом. Ошибка — течением.

Белые дома стояли одинаково. Зелёные двери были закрыты. На каждой лестнице — три ступени.

Кроме ближайшей.

У неё было четыре.

— Поднять якорь на половину, — сказала Ива.

Вахтенный посмотрел на капитана.

Рей помедлил одно сердцебиение.

— Исполнять.

Лебёдка застучала. Чёрный канат вышел из воды и натянулся к дому с четырьмя ступенями.

— Руль семь делений от него, — продолжила Ива. — Машине самый малый ход. Не пытайтесь выровнять нос, когда нас развернёт.

— Почему развернёт? — спросила Тара.

— Потому что ошибка не в ступени.

Дом дрогнул. Четвёртая ступень раскрылась, как рот, и выпустила поток воды. Неподвижная река мгновенно стала стремниной. «Тихую меру» понесло боком.

Матрос у штурвала инстинктивно навалился на рукояти.

— Не выравнивать! — крикнула Ива.

Рей оказался рядом со штурвалом раньше, чем она успела сделать шаг. Он накрыл руку матроса своей и удержал руль.

— Слышали лоцмана.

Борт накренился. Внизу с грохотом отозвались сосуды. Несколько синих ламп погасли. Река тащила судно к зелёной двери, но Ива видела настоящее движение: дома не приближались — они сменяли друг друга вокруг неподвижного корпуса.

— Машину назад, — сказала она. — Полный ход на три удара сердца. Потом стоп.

Тара нырнула к переговорной трубе. Палуба задрожала. Вода у кормы вспенилась, и на миг судно двинулось против нарисованного течения.

Зелёная дверь распахнулась.

За ней не было комнаты. Там мерцал коралловый маяк Нэи.

— Это выход? — спросил Рей.

Ива сжала в кармане медное кольцо. Оно оставалось холодным. Маяк был похож на маяк Нэи до последней искры, но сестра не видела её след.

— Нет. Это приманка.

— Откуда вы знаете?

— Настоящий маяк спорит со мной.

Три удара сердца.

— Стоп машину!

Винты замерли. Рывок бросил всех к носу. Рей успел схватить Иву за локоть, не притягивая к себе, только не давая удариться о фальшборт. Как только она восстановила равновесие, он отпустил.

Ива отметила это против воли.

Ложный маяк погас. Зелёная дверь захлопнулась, а вместе с ней исчезли дома. Перед судном открылось узкое русло цвета старого серебра. Впереди, далеко за поворотом, светились огни Гавани Яви.

Кто-то на палубе облегчённо рассмеялся.

Ива не поддержала смех. Огни стояли правильно, но личная карта на запястье тянула её в противоположную сторону. Дом был сзади. Гавань — впереди. Оба направления не могли быть верными.

— Ложная Явь? — тихо спросил Рей, проследив за её взглядом.

— Может быть.

— Вы часто отвечаете так неопределённо?

— Когда не знаю — всегда.

Он кивнул, словно этот ответ оказался для него важнее самого русла.

Ива повернула медное кольцо один раз.

Сначала не произошло ничего. Затем издалека, не впереди и не сзади, пришёл короткий коралловый отблеск. Нэя видела след, но находилась за пределами всех направлений, которые показывала вода.

— Берём курс к огням? — спросил вахтенный.

— Нет, — сказала Ива.

— Там гавань.

— Там изображение гавани. Лечь в дрейф у входа в серебряное русло.

Рей посмотрел на небо. Туманный свод над ними светлел — до рассвета оставалось меньше, чем хотелось.

— Мы не можем дрейфовать долго.

— Мы уже движемся.

— При остановленной машине?

Ива бросила за борт горсть белого мела. Крошки упали на воду и не остались позади. Они поплыли вдоль корпуса к носу, обогнали судно и исчезли в серебряном русле.

— Река нашла нас раньше, чем мы нашли её, — сказала она. — И ведёт туда, куда никто на этом судне не соглашался идти.

Из глубины донёлся глухой звон.

Один сосуд ударил о решётку. За ним второй. Третий.

Звон шёл по трюму от кормы к носу, следуя за меловыми крошками. Сотни запечатанных воспоминаний поворачивались внутри «Тихой меры», будто слышали общий зов.

Судно осело ещё на палец.

Ива вынула из сумки чистую карту и впервые за двенадцать лет службы не знала, с какой стороны поставить знак дома.

Глава 2. Груз без веса

Серебряное русло несло «Тихую меру» к гавани, которой Ива не доверяла.

Судно двигалось без винтов, без парусов и без заметного течения. Меловые крошки уже скрылись впереди, но время от времени одна из них появлялась у кормы и снова проплывала вдоль борта. Будто река пересчитывала их и всякий раз обнаруживала лишнюю.

— Глубина? — спросила Ива.

Вахтенный опустил мерный шнур. Свинцовая гиря вошла в серебристую воду и вернулась сухой.

— Дна нет.

— Дно есть всегда. Что на метке?

Матрос провёл пальцами по узлам и нахмурился.

— Двенадцать локтей.

— Вы же не коснулись дна, — сказал Рей.

— Зато дно коснулось нас, — ответила Ива.

Она забрала шнур. Между двенадцатым и тринадцатым узлом серебрилось тонкое влажное кольцо. Вода показывала не расстояние до грунта, а осадку судна. Ещё недавно та составляла двенадцать локтей и два пальца. Теперь — ровно двенадцать, если верить шнуру, хотя грузовой порт по левому борту почти черпал воду.

Два измерения противоречили друг другу. Река принимала оба.

Из трюма снова пришёл звон. На этот раз не цепочкой от кормы к носу, а сразу со всех сторон. Палуба под ногами Ивы едва заметно просела.

Тара выругалась и присела у ватерлинии. Она обмакнула в воду медную пластинку, приложила её к борту и дождалась, пока на металле проступит тёмная риска.

— Двенадцать и четыре, — сказала она. — За четверть часа прибавили два пальца.

— Насколько хватит запаса?

— До нижних отдушин — шесть пальцев. Потом вода пойдёт в счётную палубу. Если она здесь ведёт себя как вода.

— А если нет? — спросил Рей.

— Тогда узнаем, когда захлебнёмся тем, чем она себя считает.

Рей посмотрел на неподвижные огни впереди.

— Лоцман Ларн, выводите нас из русла.

— Покажите куда.

Он резко повернулся к ней.

— Это ваша работа.

— Моя работа — видеть доступные пути и цену каждого. Сейчас доступный путь один, и его построил груз. Можно врезаться в берег, которого мы не видим. Можно открыть сосуды и дать реке больше материала. Можно продолжать до ложной гавани. Какой вариант вы считаете выходом?

— Ни один.

— Тогда у нас впервые за ночь одинаковое мнение.

Рей не ответил. Его взгляд задержался на чистой карте в руках Ивы. Белый лист оставался белым, хотя уже должен был впитать хотя бы изгиб русла. Личная карта на запястье тоже молчала: кухня матери, лестница Нэи и обратный шлюз проступали под кожей, но ни одна линия не соединяла их с судном.

Тара поднялась.

— Спорить можно до нижних отдушин. Потом придётся спорить вплавь. Мне нужны люди, чтобы разнести груз по бортам.

— Нет, — сказала Ива.

— От перестановки хуже не станет.

— Уже стало в прошлый раз.

— В прошлый раз меняли бирки.

— И двигали сосуды. Мы не знаем, какое действие услышала река.

Тара прищурилась. Механики не любили запретов без измерения, и Ива это уважала.

— Предлагайте опыт, лоцман.

Ива посмотрела вдоль палубы. У кормовой шлюпки стоял ящик с сигнальными грузами: чугунные пластины, которыми проверяли, способен ли сон удерживать настоящую тяжесть.

— Возьмём два одинаковых участка. На правом борту переложим металл. На левом — один пустой архивный сосуд, не меняя его бирки. Замерим крен и осадку после каждого движения.

— Пустых сосудов на счётной палубе нет, — сказал Рей.

— Тогда принесите из расходной кладовой.

— Доступ к архивной таре ограничен.

Тара посмотрела на него с таким терпением, какое обычно оставляют для тугого болта.

— Капитан, если мы пойдём ко дну, ограничения останутся наверху.

Он снял с пояса ключ и протянул ей.

— Один сосуд. Под запись.

— Всё на этом корабле под запись, — сказала Тара. — Кроме причин, по которым он тонет.

Через несколько минут на палубе мелом разместили два квадрата. В первый матросы положили четыре чугунные пластины. Тара измерила высоту борта. Затем пластины перенесли на три шага к носу.

Корпус отозвался обычным медленным креном. Вода поднялась у носовой отметки и опустилась у кормовой.

— Как положено, — сказала Тара. — Масса есть масса.

Во второй квадрат поставили пустой сосуд. Он был не больше кувшина, прозрачный, с тремя свободными гнёздами на горлышке. Тара показала всем сухое дно и закрыла пробку.

— Кто имеет право его хранить? — спросила Ива.

— Судовой архив, — ответил Рей.

— Кто имеет право слушать?

— Никто. Он пуст.

— Кто имеет право использовать содержимое?

— Никто, потому что содержимого нет.

— Запишите три ответа отдельно.

Рей ничего не записал. Тара взяла журнал у помощника и вывела три строки сама. Потом перенесла сосуд за меловую границу.

Ничего не произошло.

— Теперь общую бирку, — сказала Ива.

— Это бессмысленно, — отозвался Рей.

— Тем лучше. Бессмысленный опыт ничего не изменит.

Он понял ловушку, но спорить не стал. Из футляра при журнале достали чистую серую бирку нового образца. Писарь вывел на ней служебную формулу: «Принято архивом. Допущено к служебному использованию».

— Не крепите, — сказала Ива. — Положите рядом.

Бирка коснулась досок.

«Тихая мера» осела.

Это было видно по всем четырём медным пластинкам сразу. Тёмные риски поднялись на толщину ногтя. Из глубины донёсся протяжный стон дерева, хотя пустой сосуд и бумажная бирка вместе весили меньше капитанской связки ключей.

Никто не заговорил.

Ива присела у сосуда. В прозрачном стекле отражались три лица: её, Тары и Рея. Отражение Рея стояло ближе остальных, хотя сам он находился за её плечом.

— Уберите бирку, — сказала она.

Писарь потянулся к серой полоске. Та прилипла к доскам. Он поддел её ногтем — безрезультатно.

— Не рвите, — предупредила Ива.

— Это бумага.

— Для нас.

Она взяла журнал и зачеркнула последнюю общую запись тремя линиями, не касаясь слов. Первую линию подписала Тара как хранитель судовой кладовой. Под второй Рей после короткой паузы поставил отметку, что прослушивание не разрешено. Третью Ива оставила пустой.

Серая бирка сама отстала от палубы.

Борт поднялся на ноготь.

Вахтенный шумно выдохнул.

— Значит, разделим все бирки, — сказала Тара. — И выйдем из воды.

— Не выйдем, — ответила Ива. — На пустом сосуде никто ничего не теряет. С грузом придётся знать, кто и что разрешал. Если мы просто напишем удобные ответы, река услышит ложь.

— Разрешения получены при приёмке, — сказал Рей.

— Тогда почему их заменили общей формулой?

Он отвернулся к руслу.

— Потому что старые записи противоречили друг другу.

— Пример.

— Владелец соглашался на хранение, но запрещал прослушивание до своей смерти. Свидетель соглашался на прослушивание, но не на использование в суде. Наследник отзывал разрешение, которого не давал. Иногда один человек оставлял три указания в разные годы.

— И служба решила, что противоречие исчезнет, если убрать различия.

— Служба решила, что при аварийной эвакуации невозможно учитывать каждое условие.

— А река решила иначе.

Слово «служба» позволяло ему говорить так, будто решение было принято комнатой, стенами и печатями. Ива заметила это и пока не стала спрашивать, чья рука подписала приказ. Ответ висел у него на груди.

Тара забрала пустой сосуд.

— Мне всё равно, кто из вас победит в споре. Через четыре пальца проиграет корпус. Что можно сделать сейчас?

Ива подошла к борту. Серебряное русло выглядело гладким, но на уровне нижних портов по нему шли три разные ряби. Одна бежала вдоль судна, другая поперёк, третья расходилась кругами от каждого сосуда в трюме. Они пересекались, не гася друг друга.

Три вида движения. Три гнезда.

— Нужен сосуд, у которого сохранились старые бирки.

— Все заменены, — сказал Рей.

Тара покачала головой.

— Не все. В холодной секции есть треснувший. Писарь отказался принимать его по новому списку, пока я не заменю обойму.

Рей посмотрел на неё.

— Почему это не отражено в журнале готовности?

— Потому что он не готов.

На миг уголок рта Ивы дрогнул. Тара заметила, но сохранила невозмутимость.

Они спустились втроем. Рей приказал вахтенному держать курс, хотя курса у судна не было. У лестницы он снял футляр с печатью, словно в тесном трюме тот мог за что-нибудь зацепиться, и спрятал под китель.

Холодная секция находилась ниже счётной палубы. Воздух там был густым, с запахом снега и железа. На решётках белел иней. Каждый сосуд стоял в отдельной обойме, чтобы чужие воспоминания не согревали друг друга и не начинали общий сон.

Треснувший сосуд Тара нашла в дальнем ряду. Он был широкий, приземистый, обмотанный медной сеткой. Тонкая трещина тянулась от горлышка до основания, но свет внутри не просачивался наружу.

В трёх гнездах сохранились бирки.

Первая, синяя: «Хранить до востребования. Лин Эмар».

Вторая, белая: «Слушать только в присутствии хранителя».

Третья, чёрная, была перевернута надписью к стеклу.

— Что на обороте? — спросила Ива.

— Закрыто владельцем, — ответил Рей.

— Тогда не переворачивайте.

Он удивился.

— Вы не хотите знать условие использования?

— Хочу. Права узнать у меня нет.

— Оно могло бы объяснить осадку.

— И заодно увеличить её.

Тара проверила обойму и поставила вокруг сосуда три измерительные скобы. Ива положила ладонь на решётку. Внутри стекла медленно падал снег. За белой завесой иногда проступала тёмная фигура у окна, но Ива не пыталась рассмотреть лицо.

— Перенесём сосуд на одну ячейку, — сказала она. — Вместе со всеми бирками. Ничего не читаем и не меняем.

Тара открыла замки обоймы. Рей взялся за правую ручку, Ива — за левую. Сосуд оказался неожиданно лёгким. Они подняли его и переставили в соседнее гнездо.

Корпус чуть качнулся, принимая физический вес. Осадка не изменилась.

— Теперь верните на место, — сказала Ива.

Они вернули сосуд.

— А теперь что? — спросил Рей.

— Теперь вы произнесёте общую формулу. Не крепите бирку. Только скажите, как служба считает этот груз.

— Слова не имеют силы без печати.

— Если вы правы, ничего не случится.

Рей взглянул на трещину. Потом отчётливо произнёс:

— Память принята архивом и допущена к служебному использованию.

Снег внутри сосуда взлетел вверх.

«Тихая мера» провалилась так резко, что Ива ударилась плечом о решётку. С верхней палубы донёсся крик. По лестнице хлынула серебряная вода, но остановилась на нижней ступени, словно ждала приглашения.

Тара бросилась к переговорной трубе.

— Осадка!

— Тринадцать локтей! — ответили сверху. — Нижние порты в воде!

В сосуде за снежной завесой фигура повернула голову.

Ива схватила Рея за рукав.

— Отзовите слова.

— Каким образом?

— Так же, как сказали. От своего имени.

Он замер. Вода поднялась ещё на одну ступень.

— Формула утверждена Советом.

— Совет сейчас не тонет.

— Отзыв капитана не отменяет приказ.

— Реке не нужен приказ. Ей нужно узнать, кто берёт право.

Рей посмотрел на её пальцы на своём рукаве. Ива отпустила его, прежде чем он попросил. Не время было превращать необходимость в привычку.

Он расстегнул китель и достал красную печать. В холоде воск казался почти чёрным.

— Я, Рей Варн, капитан «Тихой меры», — произнёс он, — не имею подтверждённого разрешения использовать память из этого сосуда. Служебную формулу, произнесённую мной, считать не согласием владельца, а моим заявлением.

Снег упал.

Вода отступила на ступень, но не исчезла. Судно поднялось только на половину потерянной высоты.

— Почему не всё? — спросила Тара.

Ива посмотрела на перевёрнутую чёрную бирку.

— Потому что он отозвал своё заявление. Но кто-то уже использовал эту память раньше.

— Вы не можете знать.

— Я и не знаю. Я измеряю.

Рей держал печать в раскрытой ладони. Красный воск оттаял от тепла кожи и блестел, как свежая рана.

— Есть способ облегчить судно, не читая содержимое? — спросил он.

— Есть способ перестать добавлять вес. Отделить то, что архив хранит, от того, что кому-то позволено слушать, и от того, что служба решила использовать. Но облегчение потребует настоящих записей. Не удобных.

— На их разбор уйдут дни.

— У нас нет дней.

— Именно поэтому я спрашиваю о другом способе.

Ива услышала в его голосе не нетерпение, а страх, тщательно уложенный под словами. Он боялся не своей смерти. Он смотрел на ряды сосудов, каждый из которых мог разбиться и вылить чужую жизнь в бесхозный сон.

— Можно сбросить груз, — сказала она.

Тара резко обернулась.

Рей сжал печать.

— Вы только что спорили против этого.

— Я называю доступный путь и его цену. Сбросить сосуд — не значит уничтожить вес. Память попадёт в реку, река построит из неё берег, и мы не будем знать, в чьём сне он возникнет. Судно, возможно, всплывёт. Люди на берегу заплатят.

— Возможно?

— Если разрешения останутся смешанными, выброшенная память может потянуть за собой остальные. Тогда не всплывём.

— Значит, вы не предлагаете решение.

— Я не продаю уверенность там, где её нет.

Тара закрыла обойму треснувшего сосуда.

— Зато у нас есть опыт. Общая формула добавляет осадку. Отдельные бирки удерживают её. Разберём хотя бы ближайший ряд и выиграем пальцы.

— Без чтения чёрных условий? — спросил Рей.

— Не условий, — сказала Ива. — Только самих разрешений. Содержание воспоминаний нам не нужно.

— Некоторые бирки запечатаны вместе с сосудами.

— Тогда не трогаем их.

— Некоторые владельцы умерли.

— Смерть не превращает чужое согласие в ваше.

Рей поднял взгляд. В тесной секции между ними оставался один шаг, но сейчас Ива чувствовала не близость, а границу — тонкую, ясную, необходимую. Он мог приказать. Она могла отказаться вести судно. Оба понимали цену.

— Если мы не успеем, — сказал он, — я буду обязан начать выброс.

— Если начнёте без промера, я остановлю проводку.

— В открытой реке?

— Мы уже не в открытой реке. Мы внутри решения, которое ваш архив принял раньше. Сверху ударили в колокол: один длинный, два коротких. Впереди препятствие.

Они поднялись на палубу. Ложная гавань стала ближе, хотя судно всё ещё лежало в дрейфе. Теперь можно было различить башни, причалы и людей с фонарями. Все люди стояли лицом к воде. У каждого было лицо Ивы.

Тридцать, пятьдесят, сотня одинаковых женщин на берегу смотрели, как «Тихая мера» тонет.

Личная карта обожгла запястье. На ней появилась новая линия — короткая, серебряная, от судна к ложному причалу. Рядом проступило слово, написанное почерком Нэи:

«Дом».

Ива повернула медное кольцо один раз.

Кораллового ответа не было.

— Это сообщение вашей сестры? — спросил Рей.

— Её почерк.

— Я спросил не это.

Ива посмотрела на него. Впервые за ночь он различил свидетельство и вывод раньше неё.

— Нет, — сказала она. — Нэя никогда не назвала бы домом место, где меня ждут мои копии.

У борта Тара вытащила мерную пластинку. Тёмная риска поднялась ещё на полпальца.

— Первая группа в холодную секцию, — приказал Рей. — Вернуть отдельный учёт там, где разрешения доступны без вскрытия. Ничего не слушать. Ничего не использовать. Каждую спорную бирку оставлять на месте.

Матросы замешкались. Их взгляды нашли красную печать в его руке.

Рей вставил её обратно в футляр.

— Это приказ капитана, — сказал он. — Не печати.

Люди двинулись к люкам.

Ива подошла к чистой судовой карте и поставила первую отметку — не дом, не гавань и не берег. Три расходящиеся черты, перечёркнутые одной серой полосой.

— Что это значит? — спросил Рей.

— Груз без веса.

— Такой метки нет в лоцманских книгах.

— Теперь есть.

С ложного берега разом подняли фонари. Сотня лиц Ивы улыбнулась.

А в трюме одна за другой начали лопаться серые бирки.

Глава 3. Капитан с красной печатью

Первая серая бирка лопнула в холодной секции. Вторая — на счётной палубе. Третья разорвалась прямо под рукой писаря, оставив на его пальцах серый след.

С каждым хлопком ложный берег становился ближе.

Копии Ивы уже не просто улыбались. Они повторяли её движения с небольшим опозданием: она подняла руку — сотня рук поднялась следом; шагнула к борту — фигуры подошли к краю причала. Только одна осталась неподвижной. У неё на груди алела капитанская печать.

— Всем отойти от левого борта, — приказала Ива.

Матросы послушались. Береговые двойники остались на месте, будто людей на судне не замечали.

— Они повторяют вас, — сказал Рей.

— Они повторяют то, что считают мной.

— Есть разница?

— Для человека — всегда.

Тара показалась из люка с обрывком серой бирки.

— Они не сами рвутся. Старые записи проступают сквозь новые, и бумага не выдерживает двух текстов.

На обрывке поверх служебной формулы проступали синие буквы: «Хранить до возвращения».

— Чьего возвращения? — спросил Рей.

— Оборвано, — ответила Тара. — Но нижний ряд поднялся на четверть пальца. Ещё три бирки, наоборот, утянули секцию глубже.

Ива взяла обрывок за чистый край. Бумага была тёплой. Из неё пахло мокрой землёй и дымом, как от сада после раннего заморозка.

— Разные старые условия дают разный результат, — сказала она. — Значит, нельзя срывать серые бирки подряд.

— Мы их не срываем.

— Река срывает за нас.

С ложного берега донёсся голос. Сотня ртов заговорила одновременно, но слова принадлежали Нэе:

— Ива, швартуйся. Я держу дом.

Медное кольцо в кармане оставалось холодным.

Рей повернулся к людям:

— Никому не отвечать берегу. Не называть имён.

Ива посмотрела на него.

— Верно.

— Удивлены?

— Отмечаю полезное решение.

— Вы умеете отмечать их без колкости?

— Если решение переживёт проверку.

Он хотел ответить, но с носа крикнули:

— Препятствие по курсу!

Поперёк серебряного русла натянулась красная цепь. Её звенья не лежали на воде — висели чуть выше, соединяя два невидимых берега. На каждом звене стоял тот же знак, что на печати Рея: закрытый глаз над чашей весов.

— Служебный заслон, — сказал он.

— Здесь нет вашего служебного фарватера.

— Но знак подлинный.

— Подлинная вещь может стоять в ложном месте.

Рей вынул печать из футляра. Красная цепь задрожала в ответ.

Ива перехватила его запястье прежде, чем он успел поднять руку.

— Не открывайте.

Он посмотрел сначала на её пальцы, потом ей в лицо.

— Отпустите.

Она отпустила.

— Печать уже добавила вес одному заявлению. Мы не знаем, что она сделает с заслоном.

— Зато я знаю служебный порядок. Такая цепь ставится перед карантинной гаванью.

Печать капитана подтверждает состав груза и открывает проход.

— Состав какого груза вы подтвердите?

— Того, что указан в реестре.

— Реестр врёт об осадке.

— Реестр не врёт. Он устарел.

— Для тонущего судна разница небольшая.

Цепь приближалась. Или судно приближалось к ней — на этой реке различие снова стало вопросом толкования.

Тара положила ладонь на фальшборт.

— Столкновения корпус не выдержит. Нижние крепления уже мокрые.

— Сколько времени? — спросил Рей.

— До цепи — десять минут. До воды в холодной секции — меньше, если ещё какая-нибудь бумажка вспомнит, чем была.

Рей убрал печать в футляр.

— В мою каюту. Нужно сверить реестр.

— Сверим здесь, — сказала Ива.

— Он закрытый.

— Тогда несите закрытым.

— Лоцман Ларн, существуют сведения, к которым у вас нет допуска.

— Существуют решения, после которых у вас не останется судна.

Тара встала между ними не телом, а голосом:

— Возьмите журнал на мостик. Ива увидит цифры, капитан закроет имена. Если начнёте мериться полномочиями, делайте это у помпы.

Рей ушёл за реестром сам. Вернулся с тонкой книгой в красном переплёте и положил её на штурманский стол. Замок открылся от прикосновения печати. Страницы перелистнулись без ветра и остановились на списке из ста восьмидесяти семи сосудов.

Имена владельцев закрывали восковые полосы. Открытыми оставались номер, дата приёмки, физическая масса и решение цензора.

Ива провела пальцем по последней колонке.

«Сохранить». «Сохранить». «Изъять копию». «Ограничить». «Сбросить при угрозе архиву».

Последняя формула повторялась сорок два раза.

— Лишние версии, — сказал Рей. — Так они обозначены в аварийном предписании.

— Версия чего?

— Событий, уже подтверждённых архивом по другому свидетельству.

— То есть если двое помнят одно событие по-разному, одно воспоминание лишнее?

— Не автоматически. После проверки.

— Где результаты проверки?

Он перевернул страницу. В графе основания стояли номера решений Совета, но даты были одинаковыми — вчерашний день.

— Сорок два решения за сутки, — сказала Ива.

— Экстренное заседание.

— С участием владельцев?

— Нет.

— Свидетелей?

— Совет исследовал архивные копии.

— При каком разрешении на прослушивание?

Рей промолчал.

Красная цепь была уже так близко, что её тень легла на носовую палубу. На ложном берегу копии Ивы перестали улыбаться. Та, что носила печать, подняла руку и указала на реестр.

— Река строит препятствие из вашего приказа, — сказала Ива. — Цепь пропустит только тот груз, который вы объявите правильным. Остальное потребует сбросить.

— Это предположение.

— Да. Поэтому проверим.

Она взяла три пустых сигнальных флажка: белый, синий и чёрный. На белом написала «свидетельство», на синем — «толкование», на чёрном — «решение». Разложила их у края стола.

— Возьмите любую строку без имени и содержания. Что здесь известно наверняка?

Рей выбрал сосуд семьдесят два.

— Существует память о пожаре в Западном доме.

Ива положила реестровую закладку на белый флажок.

— Что истолковано?

— Она противоречит основному свидетельству о причине пожара.

Закладка перешла на синий.

— Что решено?

— При угрозе судну сосуд подлежит сбросу.

Чёрный флажок коснулся страницы.

Красная цепь дёрнулась. Одно звено раскрылось, но прохода не образовалось.

— Ещё раз, — сказала Ива. — Только без слова «лишняя».

— Я его не произносил.

— Оно стоит в предписании и определяет все три ответа.

Рей снял печать с груди и положил рядом с реестром. Воск потянулся к чёрному флажку тонкой красной нитью.

— Печать связывает решение с двумя предыдущими слоями, — сказала Тара. — Как серая бирка.

— Печать подтверждает ответственность должностного лица, — возразил Рей.

— Тогда почему она лезет в свидетельство?

Нить коснулась белого флажка. На нём проступил закрытый глаз.

Судно осело ещё на палец.

Рей резко поднял печать. Нить оборвалась, оставив красную точку.

— Никто не открывает заслон, — сказал он.

— И что дальше? — спросила Тара.

— Проверка.

Он раскрыл реестр на первой из сорока двух строк и ногтем соскоблил слово «лишняя» с заголовка колонки. Под ним обнаружилась прежняя надпись: «оспариваемая».

Ива заметила, как изменилось его лицо. Не удивление — узнавание.

— Вы видели эту колонку раньше, — сказала она.

— Видел старую форму.

— И подписали новую.

— Да.

Он не спрятался за Советом. Одно короткое слово не исправляло вреда, но впервые помещало его руку внутрь решения.

— Почему?

— Потому что три года назад судно с оспариваемыми свидетельствами вошло в общий сон. Противоречия разорвали русло. Погибли одиннадцать человек.

Тара замерла у мерной пластинки.

— «Северная чаша»?

Рей кивнул.

— Я был старшим цензором рейса. Мы не смогли выбрать, какие версии удерживать. После этого Совет ввёл правило единственного подтверждённого свидетельства для аварийной проводки.

— Вы не смогли выбрать, — повторила Ива. — И решили заранее назвать лишним всё, что не выбрали.

— Я решил не повторять одиннадцать смертей.

— А сколько людей лишились своих свидетельств?

— Я не считал.

Честность ответа ударила сильнее оправдания.

С цепи сорвалась красная капля и упала в воду. Серебряное русло вокруг неё потемнело. На ложном берегу одна из копий Ивы исчезла.

— Девять минут кончились, — сказала Тара. — У нас, возможно, одна.

Ива быстро перелистнула реестр. Сорок два сосуда находились не в одном отсеке, а по всему трюму. Физически собрать их до столкновения было невозможно.

— Не двигаем груз, — сказала она. — Меняем способ счёта. Писарь, откройте новый лист. Три колонки. В первую перепишите только существование свидетельства. Во вторую — все отмеченные противоречия, без вывода. Третью оставьте пустой.

— Решения уже приняты, — сказал помощник.

— Но сейчас не подтверждены капитаном.

Все посмотрели на Рея.

Он держал красную печать так, словно впервые почувствовал её вес.

— Исполнять, — сказал он. — Аварийные решения по сорока двум сосудам приостановлены до проверки.

— Совет не давал вам такого права, — прошептал писарь.

— Совет дал мне ответственность за судно.

— Печатью?

Рей закрыл футляр и передал его Иве.

Она не взяла.

— Я не хранитель вашей власти.

Он положил футляр на стол между тремя флажками.

— Тогда пусть лежит там, где все её видят.

Писарь начал переписывать первую строку. Тара диктовала номера. Ива следила за цепью.

После пятой записи красный знак на ближайшем звене побледнел. После двенадцатой цепь опустилась и коснулась воды. После двадцатой одно из звеньев раскрылось.

Судно всё ещё не могло пройти.

— Быстрее! — крикнули с носа.

Ложный берег был в двух длинах корпуса. Копии Ивы стояли у самого края. Теперь каждая держала стеклянный сосуд.

Рей встал рядом с писарем и начал читать номера сам. Он не касался печати. На тридцать первой строке голос у него сорвался: сосуд семьдесят два, память о пожаре, оказался в списке на сброс.

— Продолжайте, — сказала Ива.

— Я продолжаю.

Он дочитал до сорок второй.

Писарь провёл последнюю черту и оставил колонку решений пустой.

Красная цепь распалась.

Не упала и не исчезла — каждое звено превратилось в отдельное красное кольцо. Между ними открылось сорок два узких прохода, ни один не был достаточно широк для «Тихой меры».

— Руль не пройдёт, — сказала Тара.

— Пройдёт не судно, — ответила Ива. — Пройдут версии.

Она поставила ладонь на судовую карту и соединила три расходящиеся черты с первым кольцом. Потом со вторым. Линии начали множиться, прокладывая сорок два фарватера одновременно.

Боль вошла в запястье, будто карту резали изнутри. Личный маршрут дрогнул. Кухня матери побледнела, лестница Нэи потеряла одну ступень.

Ива отняла руку.

— Нет, — сказала она. — Моя карта не понесёт весь архив.

— Что требуется? — спросил Рей.

— Сорок два независимых якоря. По одному от каждого человека, который согласится считать сосуд существующим, не решая, что в нём правда.

— Команда не знает содержимого.

— Поэтому может подтвердить только наличие груза. Этого достаточно.

Тара первой подошла к карте и прижала большой палец к первой линии.

— Сосуд существует. Чинить его буду как сосуд, не как человека внутри.

Кольцо расширилось.

Писарь выбрал вторую линию.

— Сосуд существует. Я внёс его номер, но не читал память.

Матросы подходили по одному. Кто-то говорил уверенно, кто-то запинаясь. Ива не позволяла повторять чужую формулу: каждый должен был назвать предел собственного знания.

На тридцать девятой линии людей не осталось.

— Нужно ещё трое, — сказала Тара.

Рей положил палец на карту.

— Сосуд существует. Я признал его лишним без достаточной проверки.

Сороковое кольцо расширилось.

— Это не предел знания, — сказала Ива. — Это признание решения.

— Другого честного якоря у меня нет.

Она приняла ответ. Не простила — приняла как точную запись.

Ива коснулась сорок первой линии.

— Сосуд существует. Я веду его по реке, но не владею его дорогой.

Оставалось последнее кольцо.

С ложного берега шагнула фигура с печатью. Она поставила сосуд на воду и назвала имя:

— Нэя Ларн.

Медное кольцо в кармане Ивы обожгло ладонь.

На этот раз коралловый свет вспыхнул не снаружи, а в трюме.

— Последний якорь уже на борту, — сказала Ива. — Маяк Нэи попал в один из сосудов.

Ложный берег качнулся. Все копии разом подняли сосуды, готовясь разбить их о камень.

— Какой номер? — спросил Рей.

Ива повернула кольцо дважды. В ответ под палубой прозвучали два коротких удара и один длинный.

Тара уже бежала к люку.

— Двести одиннадцатый!

Рей раскрыл реестр. Последней строки не существовало. Официально на «Тихой мере» было только сто восемьдесят семь сосудов.

— Незаявленный груз, — сказал он.

— Без веса? — спросила Ива.

Судно осело ещё на палец.

— Нет, — ответил Рей. — Похоже, самый тяжёлый.

Глава 4. Берег спящего ребёнка

До холодной секции Ива добралась последней.

Тара спустилась туда первой, Рей — следом за ней. Но лестница под ногами Ивы всё время удлинялась. Между ступенями возникали новые пролёты, на стенах — рисунки углём: дом с четырьмя окнами, женщина в широком платье, мужчина с квадратными плечами и девочка между ними. На каждом рисунке девочка держала взрослых за руки.

У последней ступени семья уже стояла под цветущим деревом. У всех троих были одинаковые улыбки.

Ива не коснулась рисунка.

— Это не наше судно, — сказала она вслух.

Лишний пролёт сложился гармошкой. Подошва ударила в настоящее железо, и Ива едва удержалась за поручень.

— Ещё раз так сделаете — предупреждайте, — донёсся снизу голос Тары.

— Я сама не знала, что сработает.

— Тогда предупреждайте особенно громко.

Холодная секция была рассчитана на сто сосудов. В стеллажах стояло девяносто четыре, ещё шесть ячеек оставались пустыми и были перечёркнуты мелом после прошлогоднего ремонта. Сосуда двести одиннадцать среди них быть не могло.

Однако коралловый свет маяка Нэи бил именно отсюда.

Он проходил сквозь заднюю переборку, превращая заклёпки в тёмные точки. На металле проступала дверь — маленькая, белая, с латунной ручкой на высоте детского плеча.

Рей держал закрытый реестр под мышкой. Красную печать он оставил наверху.

— В плане судна за этой переборкой балластный карман, — сказал он. — Вход только снаружи, ниже ватерлинии.

— Значит, это не вход в карман, — ответила Ива.

— А что?

— Предложение считать, что он здесь.

Тара провела рукоятку отвёртки по краю белой двери. Металл отозвался обычным звуком; там, где проходила нарисованная щель, звук не менялся.

— Корпус цел, — сказала она. — А температура падает. Если берег продолжит перестраивать отсек, сосуды замёрзнут.

Один из них тихо звякнул.

Ива повернула медное кольцо. Два коротких сигнала, один длинный. Коралловый свет мигнул тем же рисунком.

— Нэя отвечает, — сказала она.

— Или река научилась отвечать за неё, — сказал Рей.

— Поэтому я не спрашиваю того, чего не знает только моя сестра.

Она повернула кольцо один раз, подождала и трижды нажала ногтем на зарубку. Старый условный вопрос сестёр означал: «Ты у двери?»

Ответ пришёл не кольцом.

Из-за белой двери девочка сказала:

— Тётя Нэя велела ждать лоцмана.

Ива почувствовала, как Рей рядом перестал дышать.

— Я лоцман, — ответила она. — Как мне к тебе обращаться?

— Мама зовёт меня Лея.

— А ты сама хочешь, чтобы я звала тебя Леей?

За дверью стало тихо.

Тара опустилась на корточки, прислушиваясь к нижнему краю переборки. Из щели, которой не существовало, потянуло запахом тёплого молока и мокрой шерсти.

— Не знаю, — наконец сказала девочка. — Наверное.

На рисунках вдоль лестницы угольные семьи зашевелились. Ива не видела их отсюда, но слышала шорох множества ладоней по бумаге.

— Тогда пока Лея, — сказала она. — Я Ива. Рядом со мной Тара, она чинит судно. И Рей, он капитан. Мы не войдём без твоего разрешения.

— Здесь мой дом.

Белая краска разошлась по переборке. Вокруг двери появились обои в мелкие синие цветы, пол покрылся тёплыми половицами. Холодная секция съёжилась до узкого коридора.

— Это корабельный отсек, — произнесла Тара. — По крайней мере, пять минут назад был им.

— Не спорьте с ней, — тихо сказал Рей.

Ива посмотрела на него.

— Я и не собиралась спорить с ребёнком о том, что она видит.

— Я имел в виду реку.

Снаружи за переборкой что-то тяжело ударилось о корпус. Судно накренилось к ложному берегу. С верхней палубы донёсся крик, потом звон разбитого стекла — на берегу копии начали бросать свои сосуды.

Каждый удар приносил в отсек новую вещь. На крючке появилось детское пальто. На полу — пара красных сапожек. Над головой зажглась лампа под бумажным абажуром.

Ива подошла к двери, но оставила между собой и ручкой расстояние в ладонь.

— Лея, ты спишь?

— Папа говорит, что нет.

— А что чувствуешь ты?

— Если я сплю, они уйдут.

Последнее слово девочка произнесла едва слышно.

Рей вынул карандаш и раскрыл реестр на чистом форзаце.

— Что вы делаете? — спросила Ива.

— Записываю точные слова.

— При каком разрешении?

Карандаш остановился.

— Нам нужно понять угрозу.

— Понять — не значит сохранить каждую фразу в служебном журнале.

— Если мы выберемся, придётся объяснить Совету, почему судно отклонилось и кто оказался в незаявленном сосуде.

— Вот тогда и спросите, что можно записать.

Рей закрыл реестр. На этот раз без спора.

— Лея, — сказала Ива, — я могу задать несколько вопросов о том, где ты находишься?

Отвечать необязательно.

— Можно.

— Ты видишь своих родителей?

— Да.

— Они с тобой разговаривают?

— Говорят, что теперь всё будет правильно.

В коридоре появились две тени. Они легли на обои по обе стороны двери: высокая женщина и мужчина с квадратными плечами. Тени держали друг друга за руки поверх белой краски.

— А раньше было неправильно? — спросила Ива.

— Не знаю. Мама плакала в кухне. Папа жил за рекой. Потом пришла женщина из архива и сказала, что можно оставить только хорошие дни. Чтобы плохие не мешали мне расти.

Судно опустилось резко, без крена. На пол выплеснулась вода.

Тара выругалась и приложила линейку к переборке.

— Четыре пальца сразу. Формула уже работает.

Рей побледнел.

— Совет проводил программу облегчения детских воспоминаний после разделения семей. Родители могли передать конфликтные эпизоды в закрытое хранение до совершеннолетия ребёнка.

— Могли передать свои воспоминания, — сказала Ива.

— Да.

— А детские?

Он не ответил.

Белая дверь приоткрылась.

В щели показалась девочка лет девяти. Светлые волосы были собраны в две неровные косы, на одной ноге красный сапог, на другой — шерстяной носок. Позади неё сияла кухня: медная кастрюля на плите, три чашки на столе, три одинаковых куса пирога.

Мужчина с квадратными плечами сидел спиной к двери. Женщина у плиты напевала без слов. Ни один взрослый не повернул головы.

— Видите? — спросила Лея. — Они снова вместе.

— Вижу то, что показывает дверь, — ответила Ива.

— Это правда?

Вопрос лёг на палубу тяжелее красной цепи.

Ива могла сказать, что нет. Могла объяснить, что взрослые расставались, плакали и отдавали неудобные дни в архив. Могла назвать кухню ловушкой реки. Все ответы были бы толкованиями, а девочка спрашивала не о точности стены.

— Ты хочешь, чтобы они были вместе? — спросила Ива.

Лея кивнула.

— Это желание настоящее. Но я не знаю, случилось ли всё именно так, как сейчас показывает кухня.

Улыбка женщины у плиты дрогнула. Песня оборвалась на одной ноте.

— Папа сказал, что случилось.

Мужчина медленно повернулся. Вместо лица у него была гладкая красная печать.

Рей отступил на шаг.

— Это не её отец.

— Я знаю, — сказала Ива.

— Откуда? — резко спросила Лея.

Ива не успела ответить. Мужчина поднялся из-за стола и подошёл к двери. На его печати проступил закрытый глаз.

— Подтвердите благоприятную версию, — сказал он голосом Рея. — Ребёнок получит непрерывное детство. Архив сохранит конфликтные свидетельства до возраста доступа.

— А сейчас кто их использует? — спросила Ива.

— Никто. Они закрыты.

— Тогда из чего построена эта кухня?

Фигура протянула руку к Лее.

— Из безопасного остатка.

Девочка позволила взять себя за плечо. В тот же миг обои поползли по стеллажам, закрывая номера сосудов. Там, где синие цветы касались стекла, внутри возникали маленькие семей-

ные сцены: общий завтрак, прогулка, чтение у огня. Лица различались, но взрослые всегда улыбались, а дети никогда не отворачивались.

— Сосуды переписываются? — спросил Рей.

Тара приставила ухо к ближайшему.

— Нет. Содержание внутри бьётся о стекло. Снаружи на него надевают картинку.

— Лея, — сказала Ива, — можно я открою дверь шире? Только дверь. В кухню не войду. Девочка взглянула на фигуру отца. Красная печать на его лице чуть заметно качнулась.

— Не знаю.

— Тогда не открываю.

Ива отступила.

Рей подошёл к ней так близко, что мог говорить шёпотом.

— Если это настоящий сон ребёнка, он держит всё русло. Нам нужен доступ к сосуду.

— Нам нужен выход из реки.

— Это одно и то же.

— Нет. Если сделать доступ целью, мы заставим девочку открыть дверь ради спасения судна.

— Судно действительно тонет.

— Именно поэтому просьба не будет свободной.

Он посмотрел на воду у сапог. Она поднялась до щиколоток и была ледяной.

— Что вы предлагаете?

— Сначала дать ей возможность закрыть дверь.

— И потерять единственный контакт?

— Вернуть ей то, чего здесь ни разу не предложили.

Ива повернулась к щели.

— Лея, если разговор тебе неприятен или страшен, ты можешь закрыть дверь. Мы останемся снаружи и не станем сердиться.

— А вы утонете?

Ива услышала, как Рей тихо втянул воздух.

— Наше судно сейчас в опасности, — сказала она. — Но спасти его — обязанность взрослых на борту, не твоя.

В кухне треснула чашка.

— Папа говорит, я должна выбрать хорошие дни. Тогда никто не утонет.

— Тебе не нужно выбирать сейчас.

— Но если я закрою, вы не узнаете правду.

— Возможно. Право не отвечать иногда означает, что другой человек останется без ответа.

Красная печать вместо лица раскрылась, как рот.

— Лоцман препятствует спасению архива.

Рей шагнул к двери.

— Капитан Варн приостанавливает служебный запрос к владельцу сна.

Фигура засмеялась его голосом.

— Владелец не установлен.

— Тогда тем более нет разрешения.

— Вы уже приняли сорок два решения без разрешения.

Рей сжал челюсть.

— Да. Это не делает сорок третье допустимым.

Ива взглянула на него. Он смотрел не на неё, а на девочку и держал руки на виду.

Лея закрыла дверь.

Кухня исчезла не сразу. Сначала погасла лампа, потом замолчала плита, затем обои отступили со стеллажей. Последними пропали красные сапожки. Белый прямоугольник на перекладке остался.

Судно перестало погружаться.

— Осадка держится, — сказала Тара. — Но больше не растёт.

За дверью всхлипнули.

Ива села прямо в ледяную воду, прислонившись спиной к стеллажу.

— Мы здесь, — сказала она. — Можно молчать.

Несколько минут никто не говорил. Сверху доносились глухие удары сосудов о ложный берег. Каждый раз холодный отсек вздрагивал, но новые вещи больше не появлялись.

Потом под дверью выдвинулся лист бумаги.

На нём детской рукой были нарисованы два дома по разные стороны реки. У одного окна стояла женщина, у другого — мужчина. Девочка находилась на мосту. Над ней висел коралловый огонёк.

— Это тётя Нэя дала? — спросила Ива.

— Она сказала: рисовать можно не то, что было, а то, что я вижу сейчас. И подписывать отдельно.

В нижнем углу стояли три неровных слова: «мамино», «папино», «моё».

— Хороший способ, — сказала Ива. — Хочешь показать ещё что-нибудь?

Под дверью появился второй лист. На нём та же девочка спала в незнакомой комнате. Возле кровати стояла женщина с круглым фонарём — Нэя, нарисованная несколькими коралловыми линиями. За стеной виднелись ряды стеклянных сосудов.

— Я проснулась, когда родители спорили, какие дни оставить, — сказала Лея. — Потом женщина из архива дала мне сладкое лекарство. Тётя Нэя пришла в сон и велела спрятать мой огонёк там, где взрослые не ищут детские ответы.

— В сосуде двести одиннадцать?

— Номер она сказала не забывать.

— Ты знаешь, что хранится в сосуде?

— Моя дорога между домами. Не мамина и не папина. Я сама её нарисовала.

Ива закрыла глаза на одно мгновение. Незаявленным грузом было не воспоминание о ссоре и не благоприятный остаток. Это была карта ребёнка — отдельное свидетельство, которое не помещалось в выборе взрослых.

— Лея, можно нам сохранить номер и твои слова о том, что это твоя дорога? Без рисунков и без того, что говорили родители.

— Зачем?

— Чтобы не отдать сосуд тому, кто назовёт его маминой или папиной версией.

— А если я скажу нет?

— Мы будем защищать незаявленный сосуд, пока не найдём способ спросить тебя снова без опасности вокруг. Но нам будет труднее объяснить команде почему.

Дверь молчала.

Рей сел на корточки по другую сторону от Ивы. Вода доходила ему почти до голени.

— Можно добавить? — спросил он.

— Спросите Лею.

— Лея, можно мне сказать, что сделаю я?

— Можно.

— Я внесу сосуд в реестр как найденный и закрытый. Не как лишний. Не укажу содержание и не стану открывать его красной печатью. Когда мы доберёмся до безопасного места, ты сможешь решить с человеком, которому доверяешь, что записать дальше.

— Вы тот капитан, который выбрасывает плохое?

Рей долго не отвечал.

— Я капитан, который делал это. Сейчас я остановил сброс. Этого недостаточно, чтобы мне доверять.

Из-под двери показался кончик третьего листа, потом исчез.

— Запишите номер, — сказала Лея. — И что дорога моя. Больше ничего.

Рей раскрыл форзац реестра. Написал: «Сосуд №211. Найден на борту. Закрыт. Содержит дорогу Леи между домами по заявлению Леи. Хранение до повторного согласия. Прослушивание не разрешено. Использование не разрешено».

— Я прочитаю запись вслух, — сказал он. — Если что-то неверно, скажи.

Он прочитал.

— Не «содержит», — отозвалась Лея. — Я спрятала там дорогу. Может, она уже ушла.

Рей зачеркнул слово одной линией, чтобы оно осталось различимо, и написал: «Лея спрятала в нём свою дорогу между домами; текущее содержимое неизвестно».

— Так?

— Так.

Латунная ручка повернулась сама.

Дверь открылась в балластный карман. Никакой кухни за ней не было — только узкое пространство между рёбрами корпуса и чёрная вода по пояс. В воде плавал стеклянный сосуд размером с детскую голову. Внутри мерцала коралловая линия, соединяющая два крошечных берега.

Нэя стояла по ту сторону линии, прозрачная, как отражение в окне.

— Не входи, — сказала она.

Ива замерла.

— Нэя?

— Не знаю, сколько меня здесь. Берег учится строить дом из того, что мы пытаемся защитить.

— Ты спишь?

— Да. В маячной комнате. Кажется.

Коралловая линия дрогнула. Лицо Нэи расплылось, стало лицом Леи, потом матери Ивы.

— Как проверить, что это ты? — спросила Ива.

— Никак, пока река слышит вопросы. Поэтому не верь мне. Проверь маяк снаружи сна. Это был ответ Нэи — или безупречная подделка под её осторожность.

Тара подсветила балластный карман фонарём.

— К сосуду можно добраться багром. Входить не требуется.

— Не трогайте его, — сказала Ива.

— Он бьётся о шпангоут.

На стекле уже тянулась тонкая трещина.

— Лея, — позвала Ива. — Сосуд может разбиться. Тара умеет закрепить его, не открывая. Разрешешь ей коснуться стекла и поставить сосуд в свободную ячейку?

— А дорога останется моей?

— Да, — сказала Тара. — Я отвечаю только за стекло и крепление.

— Тогда можно Таре.

Механик взяла длинный зажим с мягкими кожаными петлями. Не переступая порога, поймала сосуд, дождалась, пока вода сама поднесёт его ближе, и вытащила в холодную секцию. Ива освободила нижнюю ячейку. Рей принёс чистую бирку.

Он написал три строки отдельно.

«Хранить: разрешено до повторного согласия».

«Слушать: не разрешено».

«Использовать: не разрешено».

Тара закрепила бирку на горлышке, не закрывая ею трещину.

Как только сосуд встал в ячейку, сорок второе красное кольцо наверху раскрылось. Это почувствовалось по судну: корпус вытянулся, словно после долгой тесноты, и течение снова легло вдоль киля.

Белая дверь исчезла. За переборкой осталось железо.

— Лея? — позвала Ива.

Ответа не было.

Медное кольцо в её ладони светилось ровно, без сигнала.

— Мы потеряли контакт, — сказал Рей.

— Она закрыла дверь, — ответила Ива. — Это не потеря контакта. Это граница.

Тара проверила крепления и провела ногтем рядом с трещиной.

— Стекло выдержит, если нас больше не приложит о берег. Но этот сосуд не был причиной всей осадки. После его закрепления поднялись меньше чем на палец.

— Он был последним якорем для прохода, — сказала Ива. — Не самым тяжёлым грузом.

— Тогда что нас топит?

С верхней палубы ударил колокол: три быстрых, пауза, ещё три. Опасность сразу с обоих бортов.

Они поднялись из холодной секции. Теперь лестница оставалась железной, рисунки исчезли. Только на предпоследней ступени лежал уголёк. Ива подняла его и положила рядом с сосудом двести одиннадцать, не приписывая ему значения.

На палубе ложный берег разделился надвое.

Слева стоял дом матери Леи, справа — дом отца. Между ними серебряное русло сжималось до ширины судна. С каждого берега девочку звали домой. Голоса были ласковыми, разумными и совершенно несовместимыми.

А впереди, за сорока двумя раскрытыми кольцами, гас коралловый маяк Нэи.

Ива сверилась с личной картой. Домашний якорь — кухня матери, где Нэя когда-то нарезала яблоки слишком толстыми ломтями, — стал прозрачным. На его месте проступал чужой стол с тремя одинаковыми кусками пирога.

Река уже не ограничивалась памятью Леи. Она училась подменять любой дом благоприятной версией.

— Куда ведём? — спросил рулевой.

Ива сложила карту прежде, чем чужая кухня успела закрепиться.

— Ни к одному берегу. Держим середину.

— Там маяк гаснет.

— Поэтому и держим.

Рей встал у правого борта, заслоняя собой дом отца. Он не отдавал приказа смотреть только вперёд и не называл ни один берег ложным.

— Капитан, — сказала Ива, — занесите в общий журнал: пассажир не обязан выбирать дом, чтобы судно получило фарватер.

— Это навигационное наблюдение или правило?

— Пока наблюдение.

— Тогда так и запишу.

«Тихая мера» вошла в узкое серебряное русло. Оба берега потянулись к ней садами, окнами и голосами. Ива не отвечала. Она держала руль по едва заметному коралловому отсвету — не как по обещанию дома, а как по сигналу человека, чьё положение ещё предстояло проверить.

За кормой два идеальных детства сомкнулись и ушли под воду.

Глава 5. Сестра держит маяк

Коралловый свет погас, когда до конца узкого русла оставалось три длины корпуса.

Рулевой выругался и дёрнул штурвал вправо. Дом отца Леи сразу надвинулся на борт: светлая веранда, качели, мужчина у двери. Он не звал девочку и не протягивал рук. Он просто ждал с таким терпением, что ожидание становилось приказом.

— Вернуть середину, — сказала Ива.

— Метки нет!

— Середина была до метки.

Она положила ладонь на штурвал рядом с рукой рулевого, не отнимая управление. Дерево дрожало. Под килем два течения тянули судно в разные стороны, и каждое выдавало себя за единственное безопасное.

— Слева два удара о скулу, справа один, — сказала Ива. — Держите разницу постоянной.

Рулевой перестал искать свет и прислушался к корпусу. Первый удар пришёл слева, второй справа, третий опять слева.

— Так?

— Так. Не угадывайте берег. Считайте воду.

«Тихая мера» выровнялась. Веранда отступила, но маяк Нэи не вернулся.

Ива достала личную карту.

Чужая кухня уже заняла половину домашнего якоря. За столом с тремя одинаковыми кусками пирога сидели две девочки — одна с косами Леи, другая темноволосая, похожая на Нэю в детстве. Ива стояла у окна взрослой и держала в руках красную печать.

Она знала, что такого не было. Этого было недостаточно.

Карта не хранила события как сосуд. Она помнила путь узнавания: запах яблочной кожуры, стук ножа о доску, Нэино недовольство тем, что ломти получаются толстыми, материнскую привычку оставлять край пирога недопечённым. Если заменить сцену достаточно удобной композицией, дорога могла принять её не за прошлое, а за короткий путь к нему.

Ива закрыла глаза и назвала детали вслух:

— Зелёная доска с прожогом у ручки. Нож Нэя держала неправильно. Яблоко было семь, одно червивое. Мать сказала выбросить только червя, а не яблоко.

Чужая девочка за столом исчезла. Красная печать в руках Ивы побледнела.

Нэя на карте повернула голову.

— Восемь яблок, — сказала она.

Ива распахнула глаза.

Нарисованная сестра смотрела прямо на неё.

— Семь, — ответила Ива.

— Восемь. Ты одно съела до того, как начала считать.

— Я терпеть не могла кислые.

— Поэтому посыпала солью. Мама до сих пор уверена, что это делала я.

Ива помнила соль на зелёной доске. Помнила кислый сок на языке. Но не могла понять, вспомнила сама или получила предложенную деталь от реки.

— Не помогай мне вспоминать, — сказала она.

Нарисованная Нэя усмехнулась.

— Хорошо. Как всегда, справляйся одна.

Карта обожгла пальцы. Домашний якорь стал прозрачнее.

— Что там? — спросил Рей.

Ива перевернула карту к себе.

— Соберите людей у мачты. Пусть никто не смотрит на берега поодиночке.

— Это не ответ.

— Это распоряжение лоцмана.

Он задержал на ней взгляд, потом повернулся к команде:

— Исполнять. По трое. Один смотрит на воду, второй на корпус, третий — на того, кто смотрит. Меняться по счёту десять.

Не переспросил, почему. Ива отметила поступок, но не позволила ему стать утешением.

— Тара, мне нужен способ связаться с маячной комнатой вне общего сна.

Механик оторвалась от мерной пластины.

— Отсюда? Можно стучать в котёл и надеяться, что трубы доходят до Яви.

— Я серьёзно.

— И я. Маяки Нэи питаются от приливных часов. На каждом судне есть поверочный провод, чтобы сравнивать время перед выходом. Он не передаёт голос, только разницу хода.

— Значит, можно спросить, идут ли её часы.

— Если провод не утонул вместе с половиной наших систем.

Тара позвала младшую механика и велела принести катушку из машинного отделения.

Рей подошёл к карте, но остановился там, откуда не мог увидеть лицевую сторону.

— Вы считаете сигнал поддельным?

— Я считаю недоказанным всё, что приходит через реку.

— Даже слова сестры?

— Особенно слова сестры, если они заставляют меня действовать быстрее.

— Она предупредила вас не верить ей.

— Умная подделка тоже предупредила бы.

Рей кивнул, будто ответ совпал с тем, который он ожидал.

— Что случилось с картой?

— Берег подменяет мой домашний якорь.

— Из-за сосуда Леи?

— Из-за того, что мы его защищаем. Образ Нэи сказал: берег строит дом из защищаемого материала.

— И вы всё равно оставили сосуд на борту.

— Да.

— Почему?

— Потому что право Леи на её дорогу не становится меньше от того, что защищать его трудно.

Он посмотрел на два берега. Дом матери теперь стоял пустым, но в каждом окне горел свет. Дом отца сохранял терпеливую фигуру у двери.

— Совет сказал бы, что вы ставите одно свидетельство выше ста восьмидесяти семи.

— Совет любит складывать несоизмеримое.

— Иногда капитану приходится.

— Тогда считайте последствия решения, а не ценность людей.

Тара вернулась с медной катушкой, круглым прибором и связкой проводов. Она расчистила место на палубе и сняла крышку с поверочного гнезда у основания мачты.

— Приливы Яви дают один импульс на сто ударов сердца, — сказала она. — Часы маяка возвращают второй с задержкой, записанной в порту. У Нэиного была задержка в три доли, потому что она поставила длинный накопитель. Ругалась, что по уставу нельзя, а без него коралловое стекло слепнет к утру.

— Это есть в служебной ведомости? — спросил Рей.

— Нет. В ведомости она написала «допустимое отклонение».

— Тогда как проверить, что вы не ошиблись?

Тара ткнула пальцем в потемневший припой.

— Потому что паяла я. Но можете не верить. Снимите крышки с других маячных линий и сравните.

Они подключили три провода: к маяку Нэи, к северному створу и к дежурной башне Гавани. Тара завела пружину прибора.

Стрелка качнулась.

Первый щелчок пришёл от северного створа. Через мгновение ответила дежурная башня. Линия Нэи молчала.

— Её часы остановлены, — сказал Рей.

— Или линия повреждена, — ответила Тара.

— Коралловый сигнал был здесь минуту назад.

— Сигнал в реке. Мы проверяем провод наяву.

Ива повернула медное кольцо. Света не было, но металл оставался тёплым.

— Можно послать импульс к часам?

— Можно. Если накопитель цел, он вернёт заряд. Если Нэя рядом и знает, что слушать, сможет изменить задержку вручную.

— Сколько вариантов ответа?

— Один короткий возврат или отсутствие возврата.

— Этого мало. Река умеет повторять рисунок.

Тара задумалась.

— Накопитель состоит из семи пластин. Их можно замыкать по одной. Получится число от одного до семи.

Ива снова увидела зелёную доску, яблоки и соль.

— Пошлём вопрос числом, — сказала она. — Не о прошлом. О том, что Нэя видит сейчас.

— Что именно?

Ива оглядела палубу. Один человек считал удары воды, второй следил за креплениями, третий — за лицами первых двух. Берега продолжали предлагать им возвращение, но никто не оставался с предложением один на один.

— Спросим, сколько окон открыто в её маячной комнате.

— Река может видеть комнату через её сон, — сказал Рей.

— Тогда не годится.

— Сколько пластин она сама замкнёт после сигнала? — предложила Тара. — Ответа заранее нет даже у неё.

— Река увидит действие.

— Но провод вернёт его по явной линии. Мы докажем не личность, а то, что у часов есть человек, способный принять запрос и изменить устройство.

Ива кивнула.

— Этого достаточно для следующего шага.

Тара послала три коротких импульса. Потом отключила свою руку от ключа и показала обе ладони.

Прошло сто ударов сердца.

Северный створ ответил привычным щелчком. Дежурная башня — вторым. Линия Нэи оставалась мёртвой.

На сто тридцатом ударе прибор зазвенел.

Не один раз — пять.

Первый звон был ясным. Второй слабее. Третий сопровождался треском. Четвёртый едва шевельнул стрелку. Пятый пришёл с таким напряжением, что одна из медных нитей раскалилась и лопнула.

Тара сбросила катушку за борт. Вода вокруг неё вспыхнула коралловым.

Маяк впереди загорелся снова.

— Там кто-то есть, — сказала Ива. — И линия повреждена.

— Пять пластин, — произнёс Рей. — Это что-то значит для вас?

— Только то, что кто-то выбрал пять после нашего сигнала.

На личной карте Нэя подняла руку. На пальцах у неё горело пять коралловых огней.

«Иди ко мне», — беззвучно произнесла она.

Ива сложила карту.

— Не идём прямо на маяк.

Рулевой обернулся.

— Но вы только что доказали, что там человек.

— Мы доказали работу явного устройства. Не безопасность фарватера.

Рей посмотрел вперёд. Коралловый свет стоял точно между двумя берегами.

— Какой курс?

Ива указала на тёмную воду левее сигнала.

— Параллельно, на расстоянии одного броска линия. Если маяк настоящий, мы останемся в его зоне. Если он приманка, не войдём в основание луча.

— Левее дом матери, — сказал рулевой.

— Не дом. Берег, который выглядит домом. Считайте удары.

Судно изменило курс. Коралловый луч не повернулся следом, и это было хорошим знаком: приманка старалась бы удержать цель. Но через несколько минут свет начал слабеть.

Ива развернула карту всего на ширину пальца. Домашний якорь почти исчез. Вместо кухни матери на бумаге стояла маячная комната Нэи. Семь окон были распахнуты, хотя настоящая комната имела только одно.

— Ива, — сказала нарисованная сестра, — ты уходишь слишком далеко.

— Я держу расстояние.

— Ты всегда называешь расстояние безопасностью.

Это было почти правдой. После смерти отца Ива уходила в рейсы, когда мать и Нэя учились жить в доме без него. Присылала карты, деньги, редкие письма. Возвращалась с подарками и новыми маршрутами, словно расстояние можно было обратить в профессию и тем оправдать.

Река нашла не воспоминание, а удобное толкование.

— Я называла работой то, что иногда было бегством, — сказала Ива. — Но не всегда.

Одно лишнее окно закрылось.

— Я держала маяк для тебя, — сказала Нэя с карты. — Каждый раз.

— Иногда. А иногда для двадцати других судов.

Закрылось второе окно.

— Ты оставила меня одну с мамой.

— Оставила. Но мама не была грузом, который я передала тебе. Она была взрослой женщиной, а ты сама выбрала остаться.

Третье окно исчезло вместе с куском стены.

Карта сопротивлялась. Бумага тянула кожу на пальцах, заставляя развернуть лист шире, увидеть лицо сестры полностью, ответить на каждое обвинение. Ива поняла механизм: домашний якорь не мог принять единственную благоприятную версию, зато охотно принимал единственную виноватую. Обе обещали короткий путь. Обе делали сложную связь удобной для навигации.

Она свернула карту.

— Я не буду решать наш разговор без Нэи.

Бумага ударила её по ладони, как захлопнутая дверь.

Коралловый маяк впереди погас во второй раз.

На этот раз из воды поднялся мост.

Он был собран из карт: судовых, личных, детских. Листы лежали вплотную от борта до маячной башни, которая теперь виднелась в конце пути. У окна стояла настоящая на вид Нэя и держала обеими руками рычаг света.

— Давление по левому борту! — крикнула Тара.

Дом матери исчез. Дом отца исчез. Оба течения соединились и навалились на корпус, выталкивая «Тихую меру» к бумажному мосту.

— Якорь! — приказал Рей.

— Здесь не за что цепляться, — ответила Ива.

— Тогда тормозной парус.

Матросы раскрыли под водой тяжёлое полотно. Судно дёрнулось, скорость упала, но мост продолжал приближаться сам.

Нэя в башне согнулась над рычагом. Свет вспыхнул, и Ива услышала её голос уже не с карты:

— Не подходите! Башня спит мной!

— Нэя, отпусти рычаг! — крикнула Ива.

— Если отпущу, русло закроется.

— Это русло строит мост к тебе.

— Знаю.

— Тогда отпусти.

Нэя подняла лицо. Под глазами лежали тёмные круги, губы потрескались. Не идеальная сестра из карты — измученная женщина, которая слишком долго держала механизм.

— За вами ещё три судна, — сказала она. — Если погашу маяк, их разнесёт по притокам.

Рей подошёл к Иве.

— Мы можем снять её с рычага, если войдём в башню.

— По мосту из чужих карт.

— Другого пути нет.

— Есть явная линия.

Тара услышала.

— Поверочный провод не выдержит ещё одного импульса.

— А если не посылать заряд? Если принять нагрузку?

Механик посмотрела на лопнувшую катушку, потом на мачту.

— Маяк питается приливными часами и сном зрителя. Обычно сон только настраивает свет, не даёт ему силу. Здесь река перевернула поток. Если открыть обратный контур, нагрузка пойдёт на наши часы.

— Судно выдержит?

— Механизм — возможно. Мы потеряем единое время на борту. Каждые часы пойдут отдельно.

Для обычного плавания это означало путаницу смен, неверный расчёт скорости и невозможность точно определить момент выхода в Явь. Для реки снов — лишиться одного из немногих общих измерений.

— Сделайте, — сказала Ива.

— Это приказ лоцмана? — спросил Рей.

— Это навигационное решение. Вы можете запретить как капитан.

Он посмотрел на башню, на Нэю, на мост из карт.

— Не запрещаю. Но распределим нагрузку. Все переносные часы — к мачте. Никто не отдаёт механизм полностью: по одному витку пружины.

Тара усмехнулась без веселья.

— Наконец-то капитан понял устройство нашего кия.

Команда принесла часы: карманные, сменные, машинные, песочные с магнитным порошком. Рей положил рядом свой хронометр. Ива сняла лоцманский — подарок Нэи после первого самостоятельного рейса.

— Если по одному витку, времени не хватит, — сказала Тара.

— Хватит, если не пытаться заменить её полностью, — ответила Ива. — Нам нужно дать Нэе возможность отпустить рычаг хотя бы на один вдох.

Тара соединила механизмы медной жилой. Каждый владелец сам заводил пружину на один виток и ставил часы в круг. Писарь не записывал имён; отмечал только число подключённых механизмов и предел вклада.

— Готово, — сказала Тара. — Но контур должен открыть кто-то у маяка.

Ива подняла медное кольцо.

— Нэя! Пять пластин вниз, две оставить. Сможешь?

Сестра в башне посмотрела куда-то под рычаг.

— Если это ты, скажи, сколько было яблок.

Река предложила удобную проверку. Ива почти засмеялась.

— Не знаю. Я помню семь, ты говоришь восемь. Обсудим наяву.

Нэя закрыла глаза.

— Это ты.

Она отпустила рычаг одной рукой и потянулась к пластинам.

Бумажный мост вздыбился. Тысячи карт зашелестели, открывая маршруты домой. Матросы у мачты увидели каждый свой берег. Кто-то шагнул вперёд.

— Смотреть друг на друга! — приказал Рей. — Не на карты!

Он сам отвернулся от моста первым.

Одна пластина погасла. Вторая. Третья.

Круг часов у мачты зазвенел разными голосами. Стрелки побежали: одни вперёд, другие назад. Лоцманские часы Ивы остановились на минуте её первого выхода из дома — невозможном времени, которое она знала только потому, что Нэя выгравировала его на крышке.

Четвёртая пластина погасла.

Мост коснулся борта.

Личные карты на его краю раскрылись. Из них поднялись руки и потянулись к людям. Рей выхватил нож, но Ива ударила по лезвию ладонью.

— Не режьте карты! Всё выброшенное вернётся в реку.

— Тогда что?

— Отказаться от предложенного пути.

Ива развернула свою карту над водой. Чужая кухня почти полностью закрывала домашний якорь. Нэя на бумаге держала маяк, упрекая и приглашая одновременно.

— Эта дорога не моя, — сказала Ива.

Она не уничтожила лист. Перечеркнула только новую серебряную линию от судна к башне.

Река рванула карту из рук. Ива удержала её за угол. Бумага надорвалась у изображения кухни, и кусок с тремя одинаковыми тарелками улетел на мост.

Настоящий якорь под ним не восстановился. Осталось белое место.

Пятая пластина погасла.

Нэя отпустила рычаг.

Коралловый свет исчез. Башня провалилась в темноту. В тот же миг часы у мачты приняли её нагрузку: стёкла покрылись инеем, пружины завывали, стрелки разлетелись по разным циферблатам.

Бумажный мост потерял направление. Карты больше не вели к единственной башне — каждая повернулась своим севером. Конструкция распалась на тысячи листов и легла на воду.

«Тихая мера» прошла над ними, не раздавив ни одного. Листы уходили в стороны, образуя множество мелких течений.

В темноте Ива услышала один чистый удар медного кольца.

Не условный сигнал. Просто касание металла о металл.

Потом Нэя сказала, совсем близко:

— Я больше не держу.

Ива повернулась. Сестры на палубе не было.

На мачте висел только погасший коралловый фонарь, принесённый рекой. Его стекло оставалось тёплым.

— Линия разомкнулась, — сказала Тара. — Нагрузка ушла. Наши часы испорчены, но маяк больше не питается её сном.

— Она проснулась? — спросил Рей.

— Не знаю.

Ива посмотрела на белое место в личной карте. Исчез не дом и не память о сестре. Исчезла готовая уверенность, что коралловый свет всегда приведёт туда, где Нэя сможет её принять.

Это было меньше утраты сестры и больше, чем повреждение бумаги.

— Нужно вернуться за маяком? — спросил рулевой.

Позади не было башни. Только разошедшиеся листы и два берега, переставшие быть домами.

— Нет, — сказала Ива. — Маяк не место. Сейчас наша задача — не дать реке снова подключиться к Нэе.

Рей поднял с палубы свой хронометр. Стрелка двигалась назад.

— Без общего времени мы не рассчитаем выход в Явь.

— Рассчитаем по событиям, — ответила Ива. — Удары воды. Смена течений. Дыхание людей. То, что можно сверить несколькими способами.

— Медленнее.

— Да.

— Совет назовёт это потерей управления.

— А вы?

Рей посмотрел на круг испорченных часов.

— Управление, которое требует держать одного человека без сна, уже потеряно.

Тара начала отключать механизмы по одному. Каждый владелец получал свои часы обратно, даже если они теперь показывали невозможное время.

Ива убрала карту. Белое место не заполнялось. Она не стала дорисовывать кухню по памяти.

На востоке сна — там, где востока не должно было быть, — пошёл коралловый дождь.

Капли падали на палубу и превращались в обрывки сигнальных записей. На одном Ива увидела почерк Нэи: «Домашний якорь Ивы исчезает».

Ниже стояла дата завтрашнего дня.

Тара подняла второй обрывок.

— Здесь схема холодной секции. И сосуд двести одиннадцать отмечен до того, как его погрузили.

Рей собрал ещё три листка, не читая вслух.

— Дождь несёт память о событиях, которых ещё не было?

— Или планы, выданные за память, — сказала Ива.

Первый сосуд разбился о палубу у кормы.

Он упал не с берега — с неба.

Стекло разлетелось, и из него хлынула тёплая вода, пахнувшая яблоками и дымом. Над судном собирались десятки новых сосудов, выброшенных кем-то в другом сне.

— Всем под укрытие! — приказал Рей.

Ива прижала карту к груди и увидела, как на её чистом домашнем якоре проступает первая капля чужой памяти.

Выброшенная правда возвращалась дождём.

Глава 6. Первая лишняя правда

Сосуды падали горлышками вниз.

Первый разбился у кормы. Второй пробил навес над счётной палубой, отскочил от балки и остался цел. Третий угодил в воду рядом с бортом. Река приняла его без всплеска, а через мгновение выплюнула обратно вдвое выше.

— Не ловить руками! — крикнула Тара.

Матрос, уже протянувший ладони, отшатнулся. Сосуд ударился о палубу перед ним. Стекло выдержало, но серая бирка разорвалась, выпуская запах горелого хлеба.

Ива раскрыла над головой плотный край своей карты. Коралловая капля проглотила бумагу рядом с исчезнувшим домашним якорем. В отверстии на миг показалась чужая комната: женщина стояла у окна и считала шаги человека на лестнице.

Ива сложила лист прежде, чем увидела лицо.

— Под тенты! — приказал Рей. — Закрывать люки холодной секции. Стекло не сбрасывать за борт.

Он стоял у мачты без печати. Дождь стекал по воротнику, каждая капля приносила обрывок голоса. Вокруг капитана шептались десятки незнакомых людей.

— Там ещё три судна, — сказала Ива. — Нэя держала им русла. Нужно предупредить.

— Чем? Маячная линия сгорела.

— Колоколом. У каждого бассейна есть аварийный ритм для падающего груза.

Рулевой обернулся:

— Нет такого ритма.

— Теперь будет. Три частых удара, один долгий. Передавайте, пока кто-нибудь не повторит.

Рей кивнул сигнальщику.

Колокол ударил трижды и протянул низкий медный звук над рекой. Дождь искажил его: вместе с металлом закричал ребёнок, засмеялся старик, кто-то прошептал «я не был там». Но далеко впереди ответили три частых удара и один долгий.

Потом справа. Потом за кормой.

— Слышат, — сказала Тара. — Не факт, что понимают.

— Повторение хотя бы даёт им заметить опасность, — ответила Ива.

Над мачтой висело не меньше пятидесяти сосудов. Одни были целыми, другие состояли из воды, удерживающей форму разбитого стекла. На серых бирках проступали красные слова: «лишняя версия», «не подтверждено», «вредит устойчивости».

Рей поймал взглядом последнюю надпись.

— Формулировки Совета.

— Ваши сорок два? — спросила Ива.

— Не только. Этим правилам три года.

— Сколько сбросили?

Он посмотрел вверх.

— Я не считал.

Те же слова он произнёс у реестра. Тогда они были признанием незнания. Теперь стали мерой неба.

Сосуд с синей печатью сорвался первым. Летел прямо к открытому грузовому люку.

Тара бросилась к рычагу. Створка пошла вверх слишком медленно. Ива успела толкнуть стоявшего рядом писаря, но сама осталась под краем навеса. Рей схватил её за плечо и потянул назад.

Сосуд пробил створку.

Металл согнулся. Стекло лопнуло внутри шахты, и вслед за звоном из трюма поднялся огненный столб.

Жара не было. Пламя оказалось памятью о пожаре — оно освещало, пахло гарью, вызывало слёзы, но не обжигало кожу. Настоящий ущерб причинила вода: хлынула из сосуда тяжёлой волной, сорвала людей с ног и обрушилась на нижние стеллажи.

— Помпы! — крикнула Тара. — Первая и третья!

Ива поднялась. Пальцы Рея всё ещё сжимали её плечо.

— Отпустите.

Он сразу разжал руку.

— Вы не ранены?

— Нет. Люк?

— Пробит.

Они спустились в трюм. Призрачный пожар бежал по потолку, повторяя путь настоящего огня в чужом здании. В нём трещали балки, которых на судне не существовало. Между стеллажами металась полупрозрачные люди.

Каждый показывал свою причину пожара.

Женщина у окна кричала, что пламя пришло с лестницы. Мужчина в мокрой рубашке утверждал, что загорелось изнутри запертой комнаты. Ребёнок показывал на синюю лампу. Слушающий с обгоревшим рукавом повторял: «Проводка была исправна».

— Сосуд семьдесят два, — сказал Рей.

Ива вспомнила строку реестра: память о пожаре в Западном доме, противоречащая основному свидетельству, назначена к сбросу.

— Он был на борту, — сказала она. — Почему падает сверху?

— Это более ранняя копия. По правилам одна могла остаться в закрытом архиве, остальные уничтожались при перевозке.

— Не уничтожались.

Призрачная балка рухнула сквозь них. Писарь пригнулся, ударился головой о стеллаж и упал.

Вот как память причиняла вред без жара: тело верило увиденной опасности.

Ива встала между писарем и пламенем.

— Смотрите на меня. Здесь железный потолок. Балки нет.

Он моргал, не узнавая её.

— Выведите его, — сказала Тара матросу. — И всем повторить устройство отсека вслух. Что видите руками, а не глазами.

Люди начали называть: железный настил, медная труба, деревянный стеллаж, вода по щиколотку. Призрачный пожар не исчез, но движения стали увереннее.

Тара осмотрела пробитую створку.

— Один шарнир вырван, второй погнут. Люк не закрыть. Если дождь продолжится, весь груз примет воду.

— Можно накрыть изнутри? — спросил Рей.

— Можно подпереть щитом, если найдём щит, который выдержит падающее стекло.

Ива посмотрела на сорок две открытые красные клетки в реестровой раме у стены. После прохода через цепь кольца отпечатались на металле. Каждая рамка была толстой, но по отдельности слишком узкой.

— Соедините кольца, — сказала она.

Тара проследила за взглядом.

— Они служебные. К корпусу не приварятся.

— Не к корпусу. Друг к другу. Они уже признали версии отдельными проходами.

— Сделаю решётку, но она будет с дырами.

— Дыры нужны. Вода уйдёт, сосуды останутся сверху.

Рей снял раму со стены вместе с писарем. Красные кольца сопротивлялись: стоило приблизить их, как одно называло другое ошибкой и отталкивало. Ива велела не совмещать края. Тара связала кольца медной проволокой, оставляя между ними промежутки.

Получилась неровная сеть, в которой ни один проход не становился главным.

Они подняли её под пробитый люк. Следующий сосуд ударился о кольца и застрял. Вода прошла сквозь отверстия, стекло осталось целым.

— Работает, — сказала Тара. — Пока крепления не вырвет.

На нижней палубе зазвонил тревожный молоток.

— Холодная секция, — сказала Ива.

Они побежали туда. В проходе вода доходила уже до колен. Помпы захлёбывались чужими запахами: дым, мята, мокрый камень, детское мыло. Каждая струя пыталась стать местом, из которого её когда-то забрали.

У двери холодной секции стояла младшая механик Оса. Она обеими руками удерживала засов.

— Изнутри толкают, — сказала она.

— Кто? — спросил Рей.

— Не знаю. Люк был закрыт, когда начался дождь. Потом заговорили сосуды.

Из-за двери донёсся мужской голос:

— Откройте. Я свидетель пожара.

Другой голос перебил:

— Не слушайте его. Он поджигатель.

Третий сказал:

— Пожара не было.

Засов выгнулся.

— Стекло расширяется от чужой памяти, — сказала Тара. — Если не снять давление, полки сложаются.

— Открыть секцию? — спросила Оса.

— Тогда сосуды выйдут в общий трюм, — ответил Рей.

— Они уже там говорят.

Ива приложила ладонь к двери. Металл был холодным, но за ним шёл жар призрачного пожара.

— Нам не нужно выпускать содержание. Нужно дать каждому сосуду отдельное место для давления.

— Мест нет, — сказала Тара. — Всё занято.

Ива вспомнила шесть пустых ячеек и сосуд №211. Этого не хватало даже для одного ряда.

— Подвесы между стеллажами. Не полки — петли. Пусть сосуды качаются независимо и не бьют друг друга.

— В воде они будут тянуть вниз.

— Зато не станут единой стеной.

Тара быстро посчитала глазами расстояния.

— Нужны верёвки, ремни, гамаки, всё мягкое. И придётся открыть дверь.

Рей вынул ключ.

— Оса, отходите по моему счёту.

— Нет, — сказала Ива. — Сначала спросим, кто имеет право открыть.

Он резко посмотрел на неё.

— Секция разрушится.

— Я не предлагаю ждать владельцев всех сосудов. Кто отвечает за физическое хранение?

— Капитан и старший механик.

— Кто отвечает за доступ к содержанию?

— Архивный хранитель. Он остался в Гавани.

— Значит, открываем для ремонта без прослушивания. Проговорите это до поворота ключа.

Тара поняла первой.

— Чтобы река не приняла ремонт за разрешение слушать.

Рей положил ладонь на ключ.

— Открываю холодную секцию только для защиты стекла и креплений. Содержание остаётся закрытым. Услышанное случайно не используется для решений о людях.

— Я отвечаю за корпус и размещение, — сказала Тара. — Не за истинность голосов.

Ива добавила:

— Я веду судно с учётом физического груза. Не толкую память как фарватер.

Засов перестал выгибаться.

Рей повернул ключ.

Дверь распахнулась под давлением воды. Они удержались за поручни. Вместе с потоком в коридор вылетели голоса, огненные отблески и десятки чужих теней, но ни один сосуд не покинул стеллаж.

Серые бирки разбухли. На каждой поверх общей формулы проступал прежний текст. «Хранить до суда». «Не слушать без сестры». «Передать дочери после двадцати лет». «Уничтожить по моей просьбе». «Я передумал».

Последние две надписи стояли на одной бирке.

— Ничего не срывать, — сказала Ива. — Фотографической записи у нас нет. Писарь, переписывайте только видимый текст и отмечайте слои отдельно.

— А если они противоречат? — спросил помощник, держась за разбитую голову.

— Тогда переписывайте оба.

— Какой последний?

— Не угадывайте. Пишите расположение, цвет, степень вымывания. Последовательность установят потом, если будет право.

Команда натягивала петли между рёбрами корпуса. Тара руководила работой, не касаясь бирок. Каждый сосуд снимали вдвоём: один называл номер, другой подтверждал только целостность стекла. Потом груз помещали в отдельную петлю.

Голоса становились тише.

Не потому, что их заставляли замолчать. Стекло переставало биться о стекло, и воспоминания больше не вынуждены были перекрикивать соседние, чтобы сохранить форму.

Ива добралась до сосуда семьдесят два. Внутри по-прежнему горел Западный дом. На внешней стороне стекла появилась свежая трещина, точно такая же, как на упавшей копии.

— Они связаны, — сказал Рей.

— Копия и оригинал?

— Мы называли оригиналом то свидетельство, которое оставалось в архиве. Остальные — копиями.

— А владелец памяти как называл?

— Не знаю.

В сосуде женщина у окна снова показывала на лестницу. Теперь Ива заметила то, чего не увидела в общем огне: женщина не утверждала, что пламя пришло оттуда. Она показывала человеку путь выхода.

Основной архив мог принять жест за указание причины. Другой свидетель — за обвинение. Рей — за противоречие.

Ива отвернулась.

— Не толкуем, — напомнила она себе.

— Что увидели? — спросил Рей.

— Движение руки. Значение неизвестно.

Он записал именно так на отдельном ремонтном листе.

Сверху раздался новый грохот. Решётка из красных колец прогнулась, но выдержала. Через неё стекал дождь, всё более густой.

— Нам не переждать это в трюме, — сказала Тара. — Вес воды растёт. Помпы выбрасывают её за борт, река возвращает обратно.

— Нужно выйти из области дождя, — ответила Ива.

— Без маяка и общего времени?

— По направлению падения.

Тара нахмурилась.

— Сосуды падают сверху.

— В обычном пространстве. Но память идёт оттуда, куда её сбросили. У каждой капли есть боковой след.

Ива поднялась на палубу и подставила под дождь чистую медную пластину. Капли били вертикально, но потёки ползли по металлу к правому краю — против крена и ветра.

— Источник справа, — сказала она. — Ведём поперёк следа влево.

Рей посмотрел на воду. Слева лежала россыпь распавшихся карт, справа клубилась чёрная туча.

— Если источник — место сброса, там могут быть люди.

— И другие судна.

— Тогда идти от него значит оставить их под дождём.

Ива повернулась к нему.

— Наконец вы считаете тех, на кого перенесли груз.

Он принял удар, не отводя глаз.

— Считаю поздно. Но считаю.

— Мы не можем войти прямо под источник на повреждённом судне. Сначала выйдем из потока, затем пойдём вдоль края и передадим ритм другим.

— Компромисс?

— Маршрут.

Рей отдал приказ. «Тихая мера» повернула влево.

Без общего времени манёвр нельзя было отсчитывать привычными минутами. Ива распределила наблюдение: нос считал удары дождя по медной пластине, корма — волны о руль, Тара — циклы помпы, рулевой — обороты штурвала. Ни один ряд не совпадал с другим, но изменение каждого можно было сверить.

— Дождь реже на два удара из десяти! — крикнули с носа.

— Помпа держит три цикла без захлёба! — ответили снизу.

— Боковой след слабее! — сказала Ива.

Судно выходило из потока.

Туча справа вытянулась в длинную стену. Внутри вспыхивали сотни сцен, признанных когда-то лишними. Ива увидела свадьбу, на которой невеста плакала от страха, хотя официальный сосуд хранил её улыбку. Увидела солдата, помнившего приказ иначе, чем командир. Увидела старуху, называвшую дом чужим именем. Ни одна сцена сама по себе не доказывала факта. Все доказывали только одно: кто-то пережил их именно так.

На краю дождя стояло маленькое судно без огней.

Его палуба была завалена стеклом. Люди прятались под перевернутой шлюпкой. На борту читалось название: «Добрый вес».

— Они приняли наш сигнал, — сказал сигнальщик. — Но руль повреждён.

— Подойти для буксировки, — приказал Рей.

Ива оценила течение. Между судами шла полоса падающих сосудов.

— Прямо не подойдём. Передайте линь по воде.

Матрос раскрутил груз и бросил. Ветер памяти подхватил верёвку, показав каждому на палубе другой конец: одному — руку матери, другому — дверную ручку, третьему — знакомую косу. Линь упал, не долетев.

— Он становится тем, за что хочется схватиться, — сказала Тара.

Рей взял второй конец.

— Как оставить его верёвкой?

— Назвать не то, что он значит, а что выдерживает.

Матросы проверили волокно, узлы, длину и мокрый вес. Каждый подтвердил только свой участок. Линь перестал мерцать чужими руками.

Второй бросок достиг «Доброго веса».

Люди под шлюпкой закрепили конец на мачте. «Тихая мера» приняла натяжение, накрепилась, но не осела: буксирное право было ясным, цель ограниченной.

— Ещё одно судно отвечает впереди, — сообщил сигнальщик. — Третье молчит.

— Пойдём вдоль края дождя, — сказал Рей. — Соберём тех, кого сможем.

Он раскрыл реестр на сорока двух приостановленных решениях. Красные строки расплылись от воды.

— Что вы ищете? — спросила Ива.

— Место сброса. У каждого предписания должен быть назначен бассейн рассеивания.

— «Рассеивания»?

— Так это называется.

— Теперь видите, что рассеивается не вред.

Рей нашёл номер бассейна. Его лицо изменилось.

— Этот район закрыли после «Северной чаши».

— Закрыли для судов?

— Для официальных маршрутов.

Ива посмотрела на «Добрый вес», где люди руками удерживали повреждённый руль.

— Сны не читают ваши распоряжения.

— Нет.

— И куда ведёт край бассейна?

Он показал запись.

— К Порту взятых слов.

Название ничего не значило для Ивы, но личная карта отозвалась болью. В белом месте домашнего якоря появилась тонкая серая линия. Она шла вправо, прямо под тучу.

На линии было написано почерком Нэи: «короткая дорога».

Ива зачеркнула слова, оставив сам след видимым.

— Мы не пойдём внутрь, — сказала она. — Пока не поймём цену.

Над тучей открылась красная печать размером с луну.

Она поставила знак на дождь.

Все падающие сосуды разом повернулись к «Тихой мере».

Сорок две приостановленные строки в реестре вспыхнули.

Рей захлопнул книгу.

— Совет восстановил аварийный приказ.

Первый из сорока двух сосудов сорвался с неба.

Рей поднял реестр над головой, будто мог заслонить им судно, потом опустил.

— Печать на мостике, — сказал он. — Если я отзову приказ через неё, она получит доступ ко всему грузу.

— А если не отзовёте? — спросила Тара.

— Сброс начнётся сам.

Ива посмотрела на красную сеть над люком, собранную из отдельных проходов.

— Тогда в следующем приказе разделим не только память, — сказала она. — Разделим власть.

Глава 7. Право закрыть иллюминатор

Красная печать над тучей опускалась медленно, но каждый её знак уже исполнялся в трюме.

На сорока двух сосудах затрещали крепления. Чёрные строки «решение» заполнялись сами: «сбросить при угрозе архиву». Ремни вытягивались к грузовым портам, словно судно отращивало руки для собственной казни.

— Режьте ремни! — крикнул матрос.

— Не успеем, — сказала Тара. — И порежем крепления остальных.

Рей стоял перед футляром с красной печатью. Чтобы отменить приказ, ему нужно было открыть его и подтвердить власть Совета. Чтобы не открыть — позволить механизму выбросить груз.

— Кто считается угрозой? — спросила Ива.

— Осадка выше аварийной линии, — ответил он.

— Это условие. Кто принимает решение, что снижать её нужно сбросом?

— Сейчас — предписание Совета.

— А на судне?

— Капитан.

— Кто определяет безопасный маршрут?

— Лоцман.

— Кто отвечает, выдержит ли корпус действие?

— Старший механик, — сказала Тара.

Ива разложила на палубе три флажка из опыта у цепи: белый, синий, чёрный. Дождь прибил ткань к доскам.

— Приказ смешал угрозу, толкование и действие. Разделим подтверждение. Тара решает только, выдерживает ли судно текущую осадку. Я — можно ли выйти из потока без сброса. Вы — какое действие допустимо после наших ответов.

Рей посмотрел на печать в небе.

— Система не признаёт трёх подписей.

— Тогда пусть не признаёт ни одной.

Тара опустила к мерной пластине. Вода стояла на волос ниже красной черты.

— Корпус повреждён, но держит. Немедленного сброса не требуется. Это мой предел ответа.

Белый флажок отлип от палубы.

Ива проверила боковой след дождя, натяжение буксира и ответы колоколов.

— Есть маршрут вдоль края потока. Он медленный и не гарантирует Гавань, но снижает нагрузку без выброса. Это мой предел ответа.

Синий флажок поднялся.

Рей открыл реестр, не футляр.

— При отсутствии немедленной угрозы и при наличии альтернативного маршрута я запрещаю сброс до отдельного согласования по каждому сосуду. Это мой предел решения.

Чёрный флажок поднялся последним.

Слова на сосудах замерли. Красная печать над тучей надела сильнее. Флажки потянуло друг к другу, но Ива удержала белый, Тара — синий, Рей — чёрный. Ни один не взял все три.

Автоматические ремни лопнули.

Сорок два сосуда остались в петлях.

Из футляра донёсся сухой щелчок. Красная печать Рея раскололась по краю, хотя он к ней не прикасался.

— Совет получил отказ, — сказал он.

— И что теперь?

— Теперь попробует получить основание напрямую.

Он не успел объяснить.

Все иллюминаторы на «Тихой мере» распахнулись одновременно.

Даже те, что были задраены в трюме. Даже нарисованные на дверях кают. За каждым стоял чужой сон. В одном женщина бежала по горящему Западному дому. В другом Лея сидела между двумя закрытыми дверями. В третьем Нэя спала, положив голову на выключенные приливные часы.

Красная печать искала владельца осадки через просмотр.

— Закрыть иллюминаторы! — приказал Рей.

Матросы бросились к задрайкам. Створки сопротивлялись, показывая всё более точные сцены. Человек у носа увидел себя ребёнком и перестал тянуть рычаг. Писарь застыл перед окном, где кто-то его голосом признавался в краже.

Ива подбежала к иллюминатору Нэи.

Сестра лежала в маячной комнате на полу. Рядом сидела незнакомая женщина в серой форме архива и держала два пальца на её виске. На столе стоял пустой сосуд с номером двести одиннадцать.

— Смотрите, — сказал из окна голос Совета. — Подтвердите незаконное вмешательство картографки, и приказ будет пересмотрен.

Ива схватила створку.

— Нэя! Ты меня слышишь?

Веки сестры дрогнули.

— Для отмены сброса требуется установить источник незаявленного груза, — продолжал голос. — Просмотр разрешён аварийным положением.

— Кем разрешён?

— Советом хранителей.

— Не владелицей сна.

— Состояние владелицы не позволяет получить ответ.

— Значит, ответа нет.

Ива потянула створку. Металл не двигался.

Рядом возник Рей и взялся за вторую ручку.

— Мой капитанский допуск откроет канал шире, — сказал он. — Тогда я смогу закрыть его изнутри.

— И увидите всё, что печать решит показать.

— Возможно.

— Нет.

— Лоцман Ларн, это ваша сестра.

— Именно поэтому решение не должно зависеть только от меня.

Она позвала Тару.

— Можно закрыть физически?

Механик ударила молотком по петле. Инструмент прошёл сквозь металл и возник в комнате Нэи на столе.

Женщина в сером взяла его.

— Вы вмешиваетесь в служебный просмотр, — сказала она.

— Я чиню свой иллюминатор, — ответила Тара. — Верните молоток.

Женщина отбросила его. Молоток вылетел обратно рукоятью вперёд.

— Физическая петля здесь, а замок там, — сказала Тара. — Нужен кто-то с доступом к границе сна.

Все посмотрели на Иву.

Старший лоцманский допуск позволял закрывать аварийные окна в чужих снах, если русло угрожало судну. Тот же допуск запрещал препятствовать официальному архивному расследованию. Любое действие станет выбором, какой пункт считать старше.

Ива приложила жетон к раме.

На металле появились две строки.

«Сохранить проходимость».

«Обеспечить просмотр».

Река предлагала ей сделать то же, что Совет делал с памятью: выбрать единственную версию обязанности.

— Не выбирай за меня, — сказала Ива.

Она повернула жетон ребром и поставила его поперёк обеих строк.

— Прходимость сохраняю. Просмотр не обеспечиваю без согласия спящей.

Красный свет ударил ей в лицо.

Жетон раскалился. На его поверхности исчезла верхняя волна — знак старшего допуска. Осталась только простая лоцманская зарубка.

Створка сдвинулась на палец.

Рей потянул вместе с ней. Тара упёрлась плечом в раму. Втроём они закрыли иллюминатор.

Последнее, что увидела Ива, — Нэя открыла глаза. Не на сестру, а на женщину в сером. Створка захлопнулась.

По всему судну один за другим закрывались окна. Команда поняла способ: человек у рамы называл, что обязан защищать, и чего не имеет права брать. Там, где слов не хватало, помогали другие, не заглядывая внутрь.

Писарь отвернулся от собственного признания.

— Я обязан вести журнал судна. Не обязан использовать неподтверждённый образ против себя.

Матрос у носа закрыл детскую комнату.

— Я могу помнить сам. Вам не разрешаю показывать.

Последний иллюминатор остался у капитанской каюты.

За ним горела «Северная чаша».

Рей стоял перед окном один. В огне кричали одиннадцать человек. Молодой Рей держал красную печать и приказывал открыть общий сон, чтобы выбрать главное свидетельство.

— Капитан! — позвала Тара. — Закрывайте!

— Мне нужно видеть.

Ива подошла, не глядя в окно.

— Нужно или вы решили, что обязаны?

— Там причина.

— Там память о причине. Возможно, ваша. Возможно, чужая. Возможно, собранная печатью из обеих.

— Если я закрою, это будет бегством.

— Если оставите открытым без права погибших, это будет повторением.

Огонь в окне усилился. Один из людей обернулся и назвал Рея убийцей.

Он вздрогнул, но не отвёл глаз.

— Что я имею право сделать? — спросил он.

— Закрывать сейчас. Просить о доступе потом. Не обещать себе прощения за просмотр.

Рей поднял руки к створкам.

— Я отвечаю за решения, которые помню сам. Я не использую этот показ как оправдание или обвинение без согласия владельцев.

Окно поддалось.

Он закрыл его один.

Красная печать над тучей треснула от края до края. Дождь не прекратился, но сосуды перестали поворачиваться вслед за судном. Они снова падали туда, куда вёл старый поток.

На реестре исчезли строки автоматического сброса.

Вместо них появилась новая запись: «Старший допуск лоцмана Ивы Ларн приостановлен за препятствие аварийному просмотру. Проводка ограничена ближайшим безопасным причалом».

Рей прочитал и захлопнул книгу.

— Я оспарю.

— Не сейчас, — сказала Ива.

— Это несправедливо.

— Это предсказуемо. И не отменяет действие.

Она посмотрела на свой жетон. Старшая волна не вернулась. Теперь Ива не могла единолично открывать закрытые русла, требовать приоритета в Гавани или вести суда через карантинные створы.

— Ближайший безопасный причал — Порт взятых слов, — сказал Рей.

— Безопасный по чьему реестру?

— По тому же, который только что наказал вас.

— Значит, не принимаем оценку без проверки.

С «Доброго веса» передали сигнал: у них закрылись окна, но двое людей ранены стеклом. Ещё одно судно впереди отвечало всё слабее. Третье по-прежнему молчало.

Тара подошла с осколком лоцманского знака. Верхняя волна откололась от жетона и упала ей под ноги.

— Припаять? — спросила она.

— Допуск от этого не вернётся.

— Я не про допуск. Вещь ваша.

Ива забрала осколок.

— Сохраните до сухой палубы.

Тара положила его в отдельный карман, не обещая починить то, что было не её властью.

Рей снял капитанскую цепь с воротника. На ней висела малая служебная пластина — право входа в ограниченные фарватеры.

— Возьмите, — сказал он.

— Нет.

— Без старшего допуска вы не проведёте нас через створ Порта.

— А с вашей пластиной моя проводка станет продолжением полномочий цензора.

— Тогда как войдём?

— Попросим открыть. Объясним повреждение. Примем отказ, если причал действительно чужой.

— Порт может не ответить.

— Тогда найдём стоянку вне створа.

Рей сжал пластину.

— Вы готовы рисковать судном ради формы разрешения?

— Нет. Ради того, чтобы разрешение что-то значило после нашего спасения.

Он убрал цепь. Не согласился, но не попытался незаметно вложить её ей в руку.

Ива поднялась на мостик. Рулевой ждал нового курса.

Личная карта показывала серую линию к Порту взятых слов и белое место там, где раньше был дом. Старший знак на полях погас. Официально она могла вести только к ближайшему причалу по утверждённому фарватеру.

Но утверждённый фарватер уходил под дождь.

Ива взяла чистый угольный карандаш и провела обратную линию — не к источнику и не прочь от него, а вдоль края тучи, к слабому ответу второго судна.

— Курс на сигнал, — сказала она. — Сначала найдём тех, кто ещё отвечает.

— Это не путь к ближайшему причалу, — заметил рулевой.

— Нет.

— У вас больше нет права менять маршрут.

Ива посмотрела на красную печать, распавшуюся в небе на две половины.

— Старшего допуска нет. Навык остался. Ответственность тоже.

Рулевой перевёл взгляд на Рея.

Капитан мог остановить её одним приказом. Вместо этого он спросил Тару:

— Корпус выдержит поиск?

— Один короткий галс. Потом нужна стоянка.

— Лоцман, найдёте судно за один галс?

— Если оно продолжит отвечать.

— Тогда один галс. Решение моё, маршрут ваш, предел корпуса Тары.

«Тихая мера» повернула от официального фарватера.

В ответ впереди прозвучал слабый колокол: три частых удара, один долгий.

Потом ещё раз.

А между двумя сигналами из закрытого иллюминатора у ног Ивы донёсся голос Леи:

— Можно я пока не буду смотреть?

Ива опустила наружную заслонку.

— Можно.

На этот раз окно закрылось без борьбы.

Глава 8. Карта наизнанку

Ответный колокол умолк прежде, чем «Тихая мера» закончила поворот.

Ива ждала ещё три удара сердца, потом подняла ладонь. Рулевой удержал штурвал. Справа дождь сосудов шёл косо и густо; слева повторялись белые дома ложного берега. Между ними не было ни русла, ни ветра, ни дыхания спящего — только чёрная вода, которая возвращала каждый звук задом наперёд.

— Они прекратили сигнал? — спросил Рей.

— Нет. Мы перестали его слышать.

Ива сняла с пояса личные часы. После того как команда разделила нагрузку маяка Нэи, минутная стрелка у каждого шла со своей скоростью. Её часы отставали от судового боя почти на четверть круга. Часы Тары спешили. У Рея секундная стрелка двигалась рывками, словно обдумывала каждый шаг.

— Колокол прозвучал между нашими временами, — сказала Ива. — В обычном течении звук приходит после удара. Здесь мы услышали его до того, как судно дошло до места, где он был подан.

Рулевой посмотрел на пустую воду.

— Значит, идти туда нельзя?

— Значит, обычная карта врёт о порядке пути.

Личная карта лежала на стойке. С лицевой стороны серый утверждённый фарватер тянулся к Порту взятых слов, а белое пятно бывшего домашнего якоря медленно расползлось к краям. Угольная линия Ивы, проведённая к слабому сигналу, обрывалась в чёрной воде.

Она перевернула карту.

На обороте проступили продавленные следы всех линий, которые когда-либо проводили на лицевой стороне. Не названия и не направления — только нажим руки: глубокий там, где Ива была уверена, дрожащий там, где шла на риск, почти невидимый там, где доверилась чужому указателю. Белого пятна здесь не было. Дом не был отмечен, но и его исчезновение не могло командовать маршрутом.

— Вы собираетесь вести по вмятинам? — спросил Рей.

— По работе, которая осталась после карты.

— Это не навигационные знаки.

— Пока нет.

Тара принесла с мостика три катушки тонкой медной нити и разложила их рядом с картой.

— Один короткий галс уже начался, — напомнила она. — Через семь делений моих часов я разворачиваю судно к стоянке, кто бы что ни нашёл.

— Ваши часы спешат, — заметил Рей.

— Поэтому корпус получит меньше, а не больше обещанного времени.

Он кивнул.

Ива попросила рулевого трижды ударить в малый колокол: два коротких, один долгий. Звук ушёл вперёд и вернулся одним долгим, двумя короткими.

— Река отражает не направление, а последовательность, — сказала она. — Здесь следствие встречается раньше причины.

— Тогда любой наш манёвр уже должен был отразиться, — сказал Рей.

— Отразился. Мы слышали судно, которое ещё не позвало нас в нашем времени.

— Или собственный будущий сигнал, — возразил рулевой.

Ива не отвергла эту возможность. Старший допуск позволил бы ей потребовать от реки различить источник. Простая лоцманская зарубка на жетоне не открывала таких ответов. При-

ходило делать то, чему учили до выдачи знаков: ставить метки и ждать, как вода обойдётся с каждой.

Она привязала к лееру три пустые жестяные чашки. В первую налила воду из-за кормы, во вторую — с носа, третью оставила сухой. На каждую положила по щепке: свежую, обгоревшую и пропитанную маслом.

— Что они обозначают? — спросил Рей.

— Ничего. Пока это только разные вещи в разных местах. Если мы назовём их берегами или судами раньше проверки, река воспользуется толкованием.

Он отступил от чашек, освобождая ей место.

«Тихая мера» продвинулась на половину корпуса. Вода в кормовой чашке потеплела. На носовой появился тонкий лёд. Сухая чашка зазвенела, хотя к ней никто не прикасался.

Из чёрной воды впереди ответил колокол: один долгий, два коротких.

Рулевой побледнел.

— Наш сигнал.

— Обратный нашему, — поправила Ива. — И он пришёл после того, как сухая метка отозвалась.

Она провела на обороте карты первую линию не от кормы к носу, а от сухой чашки к месту, где продавленный штрих прежнего рейса пересекал край листа. Затем попросила Тару спустить за борт грузик на размеченном тросе.

На первом делении грузик дёрнулся к корме. На втором завис. На третьем трос ослаб, будто дно поднялось навстречу.

— Осадка? — спросила Ива.

Тара взглянула на мерную пластину.

— Без изменения.

— Значит, это не глубина. Река возвращает длину троса до того, как мы её отдали.

Она велела выбрать грузик и повторить промер с четырёх точек. Матросы исполняли команды молча, с недоверием ко всему, что верёвка показывала раньше руки. Ива записывала не глубину, а порядок ощущений: натяжение, слабина, удар, холод. Из этих последовательностей складывалось не русло, а его обратный отпечаток.

Рей следил, не вмешиваясь, пока на реестре не появилась новая красная строка.

«Лоцман без старшего допуска покинул утверждённый фарватер. Капитану предписано принять управление».

Он закрыл книгу ладонью.

— Если не отвечу, система сочтёт это отказом от командования.

— Это ваш предел решения, — сказала Ива. — Не мой.

— Мне важно, что произойдёт с вашей работой, если я приму управление.

— Река получит одного владельца курса и потянет все метки к вашей пластине. Мы потеем различия.

— А если откажусь?

— Не знаю.

Рей прочёл строку ещё раз.

— Вы могли бы сказать, что обязаны вести судно и потому я обязан вас прикрыть.

— Могла бы. Но тогда снова решила бы за вас.

Он вынул служебную пластину, положил рядом с закрытым реестром и не передал её никому.

— Я сохраняю командование судном. Не принимаю управление проводкой. Запишите отдельно.

Писарь занёс обе фразы в журнал. Красная строка не исчезла, но перестала расти.

Ива почувствовала не благодарность, а освобождённое пространство: Рей сделал полезное для неё действие, не потребовав взамен ни доверия, ни близости, ни пересмотра прошлого. Этого было достаточно. Больше она ему не приписывала.

С буксира ударили дважды. «Добрый вес» начал уходить кормой к дождю.

— Натяжение справа! — крикнул матрос.

Тара побежала к лебёдке. Буксирный канат был натянут, но его отражение в воде провисало и уходило в противоположную сторону. Лебёдка выбирала настоящий канат, а отражение выпускало его. Между двумя движениями судно дёргалось так, что трескали крепления холодной секции.

— Рубить? — спросил матрос.

— Нет, — одновременно ответили Ива и Тара.

Механик глянула на неё.

— Моя причина: резкий сброс нагрузки сорвёт кормовую балку.

— Моя: отражение примет обрубленный канат за продолжение пути и уведёт их под дождь.

— Тогда выбираем без вращения.

Тара остановила лебёдку и велела матросам держать барабан вручную. Ива перенесла чашки к корме. Теперь сухая молчала, носовая звенела, а из кормовой вода поднималась тонкой дугой и возвращалась за борт.

— «Добрый вес» отстаёт в нашем порядке, — сказала Ива. — Мы тянем его туда, где уже были сами.

— Это и делает буксир, — сказал Рей.

— В обычной реке. Здесь наше прошлое течёт навстречу. Нужно дать им метку, которой у нас ещё не было.

Она сняла с шеи простой свисток лоцмана. Старший знак давал право на особые сигналы; свисток принадлежал ей задолго до лицензии. Ива сыграла три неровные ноты, намеренно не похожие ни на один судовой вызов.

С «Доброго веса» ответили точно так же.

Их канатное отражение исчезло.

Настоящий канат ослаб, буксируемое судно выровнялось.

— Почему сработало? — спросил рулевой.

— У этой метки не было прошлого, которое река могла бы перевернуть.

— Теперь есть, — заметила Тара.

— Второй раз не используем.

Ива записала ноты на самом краю оборота и тут же перечеркнула. Не как ошибку — как исчерпанный инструмент.

Дождь справа приблизился. В падающих сосудах вспыхивали лица, комнаты, чужие руки. Иллюминаторы оставались закрытыми, но голоса находили щели в палубе.

«Назови берег».

«Выбери источник».

«Кто здесь помнит верно?»

Ива приказала никому не отвечать существительными. Только сообщать наблюдаемое действие: вода холодеет, канат слабеет, корпус кренится, колокол звучит. Река могла украсть название и выдать его за согласие, но глаголы жили слишком коротко: к следующему мгновению действие уже менялось.

Команда перешла на рубленую речь.

— Дождь густеет.

— Борт держит.

— Буксир следует.

— Огонь не горит, только показывается.

Голоса из щелей стали тише.

На четвёртом делении часов Тары впереди возникла мачта. Она висела верхушкой вниз, отражённая в воздухе, хотя под ней не было судна. С реи стекала вода вверх. На перевернутом флаге читалось название: «Верный берег».

— Это второе судно? — спросил Рей.

— Мы пока видим мачту, — сказала Ива.

Она не позволила назвать больше.

Промерный трос ударился обо что-то впереди, хотя грузик был за кормой. Сухая чашка зазвенела. На обороте карты продавилась новая линия — не нарисованная Ивой, а оставленная чьей-то рукой с лицевой стороны прямо сейчас.

Ива перевернула лист.

На сером утверждённом фарватере появилось красное предписание: «Следовать к ближайшему безопасному причалу». Ровная служебная линия шла от их положения к Порту взятых слов. На обороте её нажим проходил через висящую мачту.

— Совет прокладывает путь поверх препятствия, — сказал Рей.

— Совет не видит препятствия. Он видит только свою лицевую сторону.

Ива снова положила карту оборотом вверх. Служебная линия стала полезной не как приказ, а как рельеф: глубокая борозда показывала, где чужая уверенность давит на реку сильнее всего. Вокруг неё проступили мелкие встречные штрихи — места сопротивления, которые лицевая карта считала погрешностью.

— Лево на полделения, — сказала Ива рулевому. — Не пересекать глубокую борозду. Держаться там, где бумага почти ровная.

— Там нет фарватера.

— Там его не успели запретить собственной уверенностью.

Рулевой повернул штурвал.

Висящая мачта медленно легла на бок. Под ней проявился корпус — маленькое архивное судно с разбитой рубкой. Оно стояло носом к «Тихой мере» и кормой к ней же, как две несовместимые версии наложились на одно место. На палубе двигались люди. Каждый шаг сначала появлялся в одной версии судна, потом исчезал и повторялся в другой.

Колокол висел между двумя корпусами. Матроска тянула верёвку, но звон приходил прежде движения её руки.

— «Верный берег», слышите нас? — позвал Рей через рупор.

Матроска посмотрела не на него, а туда, где «Тихая мера» была несколько мгновений назад.

— Не называйте судно, — быстро сказала Ива. — Спросите, что они сейчас делают.

Рей изменил вызов:

— Человек у колокола, какое действие вы выполняете?

Ответ пришёл из пустой воды за кормой:

— Зову помощь.

— Что происходит с вашим корпусом?

— Разделяется.

— Что вы разрешаете нам сделать?

Две версии матроски повернулись друг к другу. Одна крикнула:

— Подойти!

Другая одновременно:

— Не приближаться!

Вода под «Тихой мерой» провалилась на ладонь. Осадочная пластина звякнула.

— Не объединять ответы, — сказала Тара. — Их противоречие уже тянет нас.

Рей опустил рупор.

— Как получить согласие, если один человек отвечает взаимоисключаяюще?

— Сначала выяснить, один ли это человек и один ли момент, — сказала Ива. — Но не просмотром памяти.

Она поискала на обороте профессиональные следы. У всякой реки снов был порог входа: изменение запаха, температуры, ритма волн, положения теней. Лицевые карты отмечали его красивым знаком створа. На изнанке оставались мелкие уколы циркуля, по которым лоцманы учились проверять чужую разметку.

Здесь уколов было два. Один совпадал с запахом мокрой золы, другой — с резким холодом. Два порога наложились.

— Они застряли на границе двух снов, — сказала Ива. — В одном нас просят подойти, в другом бояться столкновения. Оба ответа могут принадлежать одной матроске и быть действительными в своих руслах.

— Можем разделить судно? — спросил Рей.

— Людей не чиним, — отрезала Тара. — И корпус не режем, пока не узнаем, где он существует.

Ива развернула «Тихую меру» бортом. Вместо приближения она велела удерживать равное расстояние до обеих версий «Верного берега». Это было невозможно на лицевой карте: два корпуса занимали одно место. На изнанке расстояние измерялось не милями, а признаками. До версии с запахом золы оставалось три изменения температуры. До холодной — четыре колокольных паузы.

Команда выставила новые метки: нагретую пластину, ледяной гвоздь, верёвку с узлами через неравные промежутки. Ни одна не называла сон и не требовала выбрать настоящий.

Ива провела «Тихую меру» между порогами, не входя ни в один.

Две версии малого судна разошлись на ширину ладони.

В просвете показалась женщина, лежавшая у основания мачты. Не отражение и не повтор: её плащ одинаково намокал в обоих снах. К поясу был привязан ручной колокол. Она дёргала шнур, но большой судовой колокол повторял её сигнал в обратном порядке.

— Вот источник, — сказал рулевой.

— Вот человек с ручным колоколом, — поправила Ива.

Рей снова поднял рупор.

— Человек у мачты, вы слышите меня сейчас?

Женщина подняла голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.